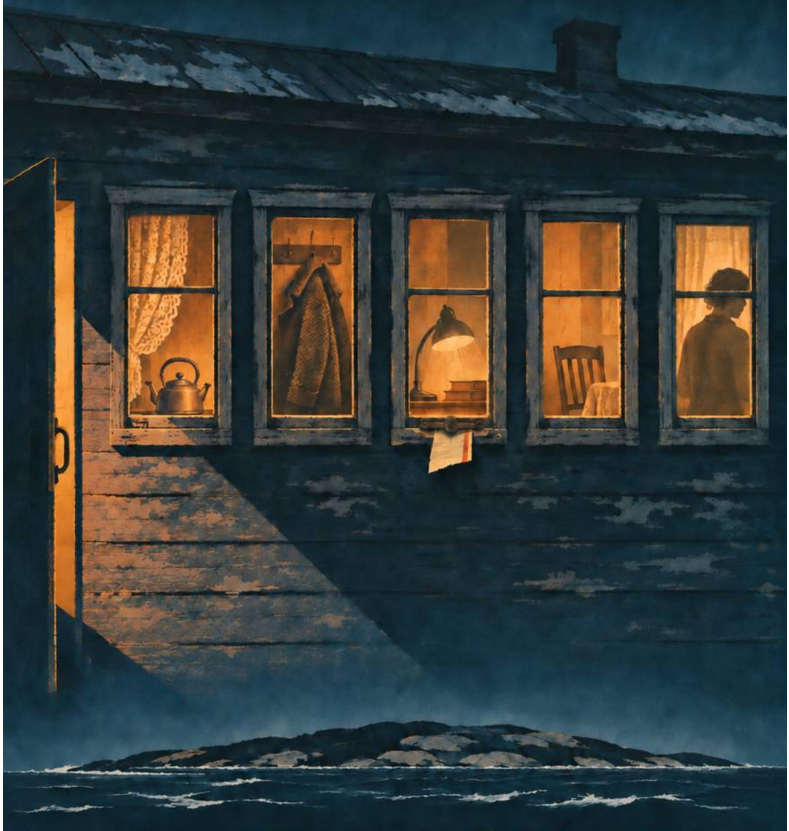
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС НА СОСНОВЕЦ

АЛЕКСАНДР ИЗМАЙЛОВСКИЙ

Александр Измайловский

Последний рейс на Сосновец

https://litres.ru/74723712
SelfPub; 2026

Аннотация

Ноябрь 2007 года. Последний почтовый катер привозит Тамару Нечаеву на Сосновец - небольшой остров в Белом море. В служебной комнате она находит тело человека, которому вчера лично выдала посылку на материке. Пять зимовщиков уверяют: он никуда не уезжал. Пока шторм не пускает помощь, Тамара раздельно восстанавливает путь посылки и её получателя. Общие воспоминания начинают расходиться, а за привычной заботой обнаруживается власть, которой трудно возразить. Чтобы назвать убийцу, ей придётся рискнуть доверием людей, от которых она сейчас зависит.

Содержание

Глава 1. Служебная сумка 4
Глава 2. Вчера, на материке 22
Глава 3. Пять подтверждений 38
Глава 4. До завтра 54
Глава 5. Упаковка 69
Глава 6. Общий лист 84
Глава 7. Не моя ошибка 100
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Александр Измайловский
Последний рейс на Сосновец

Глава 1. Служебная сумка

— Эту не ногой, — сказала я.

Матрос уже упёрся сапогом в мою сумку, собираясь отодвинуть её от прохода. Услышав, он убрал ногу и поднял обе руки, хотя виноват был пока только один сапог.

— Там что, стекло?

— Квитанции.

Он посмотрел на меня, потом на сумку и взялся за ручку.

— Тогда куда?

— Под скамью. Я сама придержу.

На качке сумка сползала мне на ботинки. Подтянуть её к себе мешал баул с бельём и тапочками; его я охотно позволила бы подвинуть ногой. Тапочки заняли больше места, чем смена белья. Дома я дважды вынимала их и дважды клала обратно.

Капитан Пётр Андреевич оглянулся от двери рубки.

— С почтой у нас всё благополучно?

— Пока да.

Я расправила пальцы в отсыревшей перчатке.

— Долго ещё?

Он указал вперёд.

В том месте, где я ожидала увидеть берег, лежала низкая серая полоска. Над ней отдельно торчали строения, слишком маленькие, чтобы различить окна. Сосновец оказался ниже, чем представлялся мне с материка. Ничего общего с картинками, на которых северные острова вставали из моря чёрными стенами. Здесь мокрый камень почти не поднимался над водой, и даже тёмная тундра за домами выглядела приплюснутой ветром.

Катер вошёл в более спокойную воду. Палуба перестала проваливаться под ногами, но дрожь двигателя осталась прежней. Я встала, держась за спинку скамьи, и дотянулась до своего баула.

— Завтра за вами, как договаривались? — спросил капитан.

— Ведомственный борт. В заявке я есть.

— После обеда у них заход. Сегодня вечером уточните по рации.

— Уточню.

— Сами-то смотрите. Мне обратно сегодня, и почтового больше до весны не будет.

Он говорил без торжественности, проверяя ремешок на запястье. Для него последний регулярный почтовый рейс означал ещё одну разгрузку и обратную дорогу. Я тоже со-

биралась обойтись без проводов навигации. Отдать привезённое, сверить записи с журналом на участке, разобраться с невручённым, переночевать и уехать. Начальница сказала: «Работы там часа на три». Я взяла две ручки и чистый блокнот. Три часа нередко растягивались, стоило открыть первый шкаф.

— На острове знают, что я остаюсь? — спросила я.

— Знают. Связь у них есть, пока подходили, с берегом перекликались.

— Кто?

— Остров. У вас там фамилии, у меня позывной.

Он прислушался к двигателю, вышел из рубки и подал матросу знак.

У причала нас ждали четверо. Мужчина в тёмной куртке приготовился принять конец. Второй, помоложе, стоял у тележки, придерживая её колесо сапогом. Женщина в капюшоне, затянутом до щёк, отодвигала от края пустую тару. Другая, коренастая, в выцветшей вязаной шапке, сердито указывала молодому на оставленную поперёк прохода доску.

Молодой переставил доску. Женщина тут же переступила через неё, как будто всё равно не доверяла.

Я проверила застёжки. На служебной сумке обе сходились туго; у личного баула молния расходилась, если потянуть за одну ручку. Пришлось держать его снизу.

Катер подошёл бортом к потемневшим от воды сваям. Мужчина в куртке поймал конец, закрепил его и поднял го-

лову к капитану. Матрос подал трап. Он лёг с глухим стуком, и встречающие разом стали ближе.

— Тамара Нечаева? — крикнула женщина в шапке.

— Да.

— Хлеб с вами?

— Со мной.

— Ну и хорошо. Алексей, сначала человека сними.

Молодой протянул руку. Я передала ему баул, дождалась, пока он поставит его на сухой край тележки, и пошла по трапу со служебной сумкой. Доска пружинила. Внизу мужчина в куртке придержал меня за локоть ровно на один шаг и сразу отпустил.

— Здесь скользко, — сказал он. — К наружному краю не становитесь.

Он не пытался забрать у меня сумку. За это я уже была ему благодарна.

Женщина в капюшоне кивнула мне:

— Ольга Ермолаева. Потом проведу.

— Лидия, — представилась женщина в шапке. — Лидия Коваль. Там есть коробка с зелёным крестом? Она на меня. Только пусть сверху ничего не ставят.

Алексей уже тянулся к новой поклаже, но Лидия взяла его за рукав.

— Что я сказала?

— На зелёный крест ничего.

— Вот. И не делай вид, будто слышишь впервые.

Мужчина в куртке, проверив конец, повернулся ко мне.

— Виктор Левшин.

У него были светлые брови и глубокая складка возле рта, от которой лицо в покое казалось недовольным. Он посмотрел на мою сумку, на тонкий слой воды под ногами и подвинул к стенке навеса пустой деревянный ящик.

— Поставьте сюда. Пока груз идёт, лучше в стороне.

Я поставила сумку на ящик. Баул Алексей пристроил рядом, ручками ко мне. Ручки опали, молния разошлась, и сверху показался носок домашнего тапочка.

— Для особых случаев, — сказала я, прежде чем кто-нибудь успел спросить.

Лидия посмотрела на тапочек с одобрением.

— У нас полы холодные.

Первым подали хлеб: бумага, два мешка, ещё один общий чехол. Матрос опускал мешки на причал, Алексей принимал, Виктор переставлял их под навес. Из открытой рубки донёсся голос Петра Андреевича: «Передачу груза начали». Лидия считала вслух и на четвёртом сбилась, потому что одновременно объясняла матросу, какого хлеба больше не надо присылать.

— Пишите отдельно, — предложила я. — На словах забудут.

— Писала.

— Тогда приложим ещё раз.

Она вынула из кармана тетрадный лист, сложенный вчетверо, и разгладила его на моей сумке.

Я прижала угол локтем. Лист уже пробовал уйти у меня из-под руки. По одному краю мелким почерком было выведено, что требуется на зимовку. По другому, поперёк прежней записи, стояло: «Изюм без косточек». Под изюмом Лидия провела две черты.

— Это особенно передайте, — сказала она.

Я сложила лист по старым сгибам и убрала в наружный карман.

У меня был свой список: почта, два пакета служебных бумаг, короба с мелким снабжением. Я называла, что стояло в сопроводительном листе, и отмечала только после того, как видела нужную вещь на причале. Лидия поначалу подавала голос вслед за мной, потом сдалась и занялась коробкой с зелёным крестом.

В ней оказались банки, перетянутые полосками картона. Алексей взялся поднять коробку за верхние клапаны.

— Снизу, — сказали мы с Лидией одновременно.

Он остановился.

— Вы сговорились?

— Ещё нет, — ответила Лидия.

Виктор молча подхватил коробку с другой стороны. Они донесли её до тележки и поставили возле хлеба. Тележка стояла так, что мне были видны и она, и трап, и все четверо. За их спинами короткая дорожка поднималась к низкому дому.

На крыльце никого не было; дверь хлопнула один раз, пока мы швартовались, а теперь оставалась закрытой.

— Надежда Ильина там? — спросила я у Ольги.

Начальница дала мне её имя и сказала, что без Надежды на участке ничего не найдёшь. Я записала рядом телефон, который до отъезда дважды не ответил.

— В доме. Она вам комнату приготовила. А принимать сегодня будем мы.

— Мне бы потом журналы.

— Сначала разгрузимся.

Я показала ей лист в руке.

— Я и не зову вас сейчас.

— Хорошо.

Она вернулась к таре. На её куртке, из-под расстёгнутой верхней пуговицы, выглядывал тонкий ремешок. Когда Ольга нагнулась, серебристый фотоаппарат стукнул о деревянную перекладину. Она придержала его ладонью, выругалась коротко и без изобретательности, затем вынула камеру и осмотрела экран.

— Цел? — спросил Алексей.

— Пока ты не помог.

— Я только спросил.

Камеру она убрала во внутренний карман. Там она перестала мешать, но ремешок остался на шее.

Со стороны воды потянуло сильнее. Матрос прижал ладонью стопку накладных, которую собирался передать мне, и

протянул их по одной. Я поставила подпись на сухом месте. От копии пахло чужим помещением, в котором хранили бумагу: пылью, картоном и тёплой батареей. Этот запах был гораздо привычнее моря.

— Здесь всё? — спросила я.

— Внизу ещё ваш мешок.

— Мой маленький со мной.

— Который с почтой.

Он улыбнулся, довольный, что наконец тоже поймал меня на слове.

Почтовый мешок подали последним из отдельного отсека. Он был заметно легче хлебного. Виктор освободил для него место возле ящика, на котором стояли мои вещи, и прикрыл открытый бок навеса брезентом: туда задувало мелкую водяную пыль. Я проверила наружное крепление, сверила число мест и лишь после этого убрала листы в папку.

Ольга ждала, когда я отойду от ящика. У неё под ногами лежала длинная узкая упаковка.

— Это вам? — спросила я.

— Нам. Стекло.

— Уцелело?

— Сейчас посмотрим.

— Может, до помещения?

Она покачала головой.

— Потом скажут, что мы сами.

Виктор вынул из кармана складной нож, передал ей ру-

кояткой вперёд и присел, придерживая нижний край. Ольга разрезала перевязь, отогнула картон и подложенную ветошь. На стекле ближе к углу расходились две трещины.

Лидия заглянула через её плечо.

— Ну вот.

— Раму привезли бы, не лопнуло, — сказал Алексей.

— Раму не заказывали, — ответил Виктор.

— В этом всё и дело.

Ольга достала фотоаппарат. Сначала сняла стекло в раскрытой упаковке, потом отодвинула край ветоши и сделала ещё один снимок. Камера тихо пискнула.

— Бирку тоже, — подсказал Виктор.

— Вижу.

Я придержала для неё бирку, чтобы не улетала. На маленьком экране трещины были почти незаметны.

— Вспышка бликует, — сказала я.

— Я вторую без вспышки.

Она проверила изображение, закрыла упаковку и вернула нож. Матрос, ждавший на трапе, спросил, будем ли составлять бумагу. Ольга подняла глаза к капитану.

— Что толку вам здесь стоять? Я отмечу и передам.

Капитан кивнул. Он уже смотрел за пределы причала, туда, где вода шла более частой короткой рябью. Я нашла у себя лист, мы записали повреждение и отдали ему копию. Ольга расписалась очень мелко; мне пришлось поднести бумагу ближе к лицу, чтобы проверить фамилию.

— Вы в очках читаете? — спросила она.

— С осени пытаюсь без них.

— И как?

— Как видите.

Она впервые улыбнулась. Улыбка была короткая и совершенно меняла её лицо. Я вынула очки из жёсткого футляра. В сорок семь лет пора бы перестать воспитывать собственные глаза.

Капитан попросил обратную почту. Она ждала в небольшом мешке на тележке, отдельно от остального. Ольга подала её мне, и я сверила переданные бумаги. Никто не торопил меня вслух. Алексей только переступал с ноги на ногу, а Лидия несколько раз потрогала верхний хлебный мешок, словно могла проверить через ткань, достаточно ли он защищён от сырости.

— На зиму у вас сколько человек? — спросила я, передавая мешок матросу.

— С Григорием шестеро, — сказала Лидия. — Но он собирался уезжать. Всё собирается.

— А сегодня?

Она пожала плечами.

— Ветер спросите. С ним легче договориться.

Алексей захохотал, но быстро перестал: Лидия уже протягивала ему коробку поменьше. Он вернулся к тележке, пересчитал поставленные на неё места, потом потянул верёвку поверх груза. Виктор проверил узел и перевязал его чуть

ниже.

— Я затянул, — сказал Алексей.

— Картон промнёшь.

Молодой отступил. Виктор убрал конец верёвки, чтобы не попал под колесо. Лидия закрывала коробки, Ольга собирала ветошь, Виктор с Алексеем подтягивали груз. На материке перед праздником у нас бывало примерно так же: шум, жалобы, теснота, а мешки к отходу машины всё-таки погружены.

У дальнего края причала, на деревянных опорах, лежала лодка. Днище потемнело от воды, в углублениях поблёскивали капли. Рядом стоял мотор под чехлом. Я заметила лодку, когда Алексей потянул тележку и мне пришлось посторониться.

— На ней тоже почту возите?

— По надобности, — сказал Виктор.

— Когда большая вода и тихо, — добавила Ольга. — Сегодня уже хватит.

На открытом месте ветер прижимал к ногам низ куртки. Я застегнула верхнюю пуговицу. До жилья от причала было недалеко; скорее бы вымыть руки горячей водой. Пальцы пахли брезентом и железом.

— Вам к Ильиной или сначала в служебную? — спросила Ольга.

— В служебную. Почту под замок, а потом хоть к Ильиной, хоть на обед.

— Обед будет вовремя, — предупредила Лидия.

— А это во сколько?

— Услышите.

Она произнесла это спокойно. Я поверила, что услышу.

Капитан спустился на трап, посмотрел мои последние отметки и забрал свой экземпляр. Потом проверил, не забыла ли я что-нибудь на борту. Я пересчитала вещи глазами: служебная сумка, баул, мешок. Всё здесь.

— Завтра не спускайтесь заранее, — сказал он. — Пусть сперва подтвердят заход.

— Я помню.

— Сюда ветер завернёт, стоять неприятно.

Виктор принял у него короткую верёвку, освободил конец. Матрос поднял трап. Алексей остановил тележку, пока катер медленно отходил от причала, и помахал ладонью. Лидия кивнула капитану, прижимая к боку свою зелёную коробку. Ольга стояла рядом со мной. Все четверо ещё оставались под навесом, когда между бортом и сваями выросла полоса серой воды.

Мне захотелось сесть обратно. Зачем я согласилась ехать сама? Потом Виктор взял почтовый мешок.

— До двери донесу.

— Я с Ольгой сама.

Он подержал его на весу, оценивая, потом кивнул и поставил на ящик. Уговаривать не стал. Личные вещи я оставила на тележке; Лидия сказала, что их доставят к Надежде.

Она поправила ручки баула, чтобы не разошлась молния, и накрыла его краем брезента.

— Только сумку сверху не ставьте, — попросила я.

— С квитанциями? — спросил Алексей.

Матрос успел ему рассказать. Я махнула рукой вслед катеру, но тот уже разворачивался.

От причала вверх шла дорожка из досок, затем она раздваивалась. Ольга взяла почтовый мешок за одну сторону, я за другую. Служебная сумка висела у меня на плече и на каждом шаге ударяла по бедру. Я попыталась перекинуть ремень через голову, но в перчатке не нащупала пряжку.

— Остановимся? — спросила Ольга.

— Донесём.

Она не стала спорить. Мы выбрали правую дорожку. Слева оставался жилой дом с закрытым крыльцом, впереди стояло одноэтажное служебное строение. У края тропы мелкая трава легла на камни и смерзалась с ними жёлтыми прядями. Снег держался в двух неглубоких ложбинах. Везде, где работал ветер, земля была голой.

За спиной скрипнуло колесо тележки. Я оглянулась: Алексей с Виктором всё ещё перевязывали груз под навесом, Лидия ставила свою коробку рядом с ними. Катер был виден за их спинами, уже боком к причалу.

— Давно здесь? — спросила я Ольгу.

— Четвёртый год.

— Постоянно?

— С перерывами.

Один угол мешка зацепился за выступивший из доски гвоздь. Мы остановились, Ольга приподняла ткань, а я освободила её пальцем. Дырки не получилось. Я потеряла ещё немного тепла, но зато сумела наконец поправить ремень.

— Вас раньше не присылали, — сказала Ольга.

— Не было надобности. Обычно с журналами сами справлялись.

— И сейчас справляемся.

— У меня поручение сверить остаток. Я его без журнала не сверю.

Она посмотрела на меня через мешок. Я уже приготовилась объяснять про зимний порядок доставки, но Ольга кивнула.

— Журнал в комнате. Пройдём.

На стене возле двери висела доска с выцветшей надписью «Островной». Краска на нижней строчке сошла совсем; там прежде были какие-то цифры. Я видела это название в своих бумагах без кавычек и до сегодняшнего утра представляла себе отдельную почтовую контору. Здесь под одной крышей помещалось несколько служб, а почте достался один угол.

Ольга потянула дверь. Она открылась со скрипом и тут же пошла обратно, ударив по мешку. Я подставила ногу. В тамбуре пахло мокрой одеждой и остывшей железной печкой. Справа на гвоздях висели две куртки, под ними стояла щёт-

ка для обуви. Налево уходил узкий коридор. Ольга перехватила мешок ближе к середине.

— Сюда.

Мы прошли четыре или пять шагов. Мне пришлось повернуться боком, чтобы сумка не задевала стену. На двери в конце коридора белела бумажка «Служебная», приклеенная по краям прозрачной лентой. Под ней виднелись следы прежней таблички.

— Здесь и связь? — спросила я.

— Здесь. Пока журналы посмотрите, я проверю вечерний сеанс.

Она толкнула дверь свободной рукой.

Мешок потянул меня вниз: Ольга разжала пальцы. Я успела подставить колено и только потом увидела, отчего она остановилась.

За дверью, у письменного стола, лежал мужчина. Один стул был отодвинут почти к стене. Второй стоял ровно, спинкой к нам. На его сиденье лежала раскрытая картонная папка, так что сперва я нелепо подумала: придётся убрать, сесть-то некуда.

Мужчина лежал на боку, лицом к двери. Я знала это лицо.

Григорий Воронов. Вчера, на материке, я лично выдала ему посылку. Он долго искал очки, потом попросил мою ручку и расписался, придерживая бланк ногтем большого пальца. У ногтя был жёлтый заусенец. Я даже сказала ему, чтобы не дёргал. Он улыбнулся: «Вы у нас и доктор». Положил

ручку себе в нагрудный карман, я напомнила, и он вернул.

Сейчас нагрудный карман тёмной рубашки был пуст. Воротник сбился, одна пола куртки завернулась ему под бок. Возле головы темнело небольшое пятно. Я опустила глаза к руке. Из-под края ладони выступал неровный кусок бумаги.

— Григорий, — сказала Ольга.

Она произнесла имя с недовольством, как зовут человека, который опять не услышал с первого раза.

Я опустила мешок на пол у порога, придерживая, чтобы не завалился набок. Потом сняла сумку с плеча. Пряжка попала под локоть, я дёрнула ремень сильнее, чем следовало, и сумка стукнула о косяк.

— Григорий! — Ольга шагнула в комнату.

Я прошла следом и присела возле него. От пола тянуло холодом. Я положила два пальца ему на шею, передвинула их, попробовала снова. Ничего. Его глаза были приоткрыты. Я не сумела бы сказать, сколько времени он так лежал.

Ольга опустилась рядом, но не коснулась его.

— Надо Виктора.

— Позовите.

Она осталась на месте, глядя на лицо. Я тоже смотрела на него и всё ещё ждала, что он сердито отведёт мою руку.

На широком столе негромко шипела стационарная радиостанция. Возле неё стояли трубка на витом шнуре, настольная лампа, деревянная подставка для календаря. Флакон со штемпельной краской лежал на боку. Фиолетовое пятно до-

шло до края столешницы; ниже, на полу, расплылась такая же фиолетовая лужица. Тяжёлый металлический прижим для бумаг лежал возле тела. На его ребре был тёмный след. Бурая упаковочная бумага с разрезанной перевязью свисала со стола почти до пола. Я увидела почтовый ярлык, но прочитать его со своего места не могла.

Пальцы Воронова лежали свободно. Бумажный обрывок попал под край ладони, большая его часть оставалась снаружи, в полосе разлива. Я разобрала «расчёт» и обрезанную петлю следующей буквы.

Я убрала свою руку и медленно поднялась. Ольга тоже встала, зацепив ремешок камеры за пуговицу. Она стала освобождать его, всё глядя вниз.

— Вы его знали? — спросила она.

— Да. Вчера он был у меня в отделении. На материке. Я выдала ему посылку.

Ольга перестала тянуть ремешок.

— Вчера?

— Вчера. Лично ему.

Из радиостанции донёсся короткий треск. Ольга повернула голову к столу.

— Вы можете вызвать берег? — спросила я.

— Могу.

— Вызывайте помощь. Я позову Виктора.

Я отодвинула почтовый мешок от двери, выбралась в коридор и крикнула так, чтобы услышали у причала:

— Виктор! Сюда! Скорее!

Глава 2. Вчера, на материке

Виктор поднял голову раньше, чем я успела выкрикнуть его имя во второй раз. Он стоял возле тележки и держал верёвку на весу. Алексей первым бросился к дорожке, но Виктор обогнал его у развилки. Лидия оставила коробку под навесом.

Я придерживала наружную дверь. От быстрого бега у Алексея сбился капюшон; он дёргал его за край и всё не мог снять с затылка.

— Что там?

— Григорий. Лежит в комнате. Мы не можем его разбудить.

Сказать «он умер» я не сумела. Он не ответил, я не нашла пульса, но назвать это вслух означало сделать то, чего уже нельзя будет поправить.

Виктор прошёл мимо меня. Алексей остановился у входа, пропуская Лидию. Из-за её плеча показалась ещё одна женщина, без шапки, в шерстяной кофте поверх платья. Она шла быстро, придерживая полы на груди. Седые пряди прилипли к вискам.

— Кто кричал? Тамара?

— Я.

— Надежда Ильина. Что случилось?

Я повторила. Надежда сразу протиснулась между мной и

косяком. Увидев почтовый мешок, остановилась, чтобы переставить его с прохода. Я перехватила нижний край.

— Там, у стены. Оставьте пока.

Мы поставили мешок вдвоём. Пальцы Надежды были тёплыми; она на секунду обхватила моё запястье.

— Ты сама-то не ударилась?

Я помотала головой и пошла вслед за ней.

Ольга держала трубку радиостанции у рта. В динамике то усиливался треск, то наступала такая тишина, что я слышала, как Виктор опустился на колени. Он снял перчатки и положил их у двери. Алексей потянулся следом, но Лидия удержала его за куртку.

— Дай место.

Надежда стояла с другой стороны стола. Когда Ольга повторила вызов, Надежда взяла её за локоть.

— Петра зови. Далеко он не ушёл.

Ольга отняла руку.

— Вызываю берег. Сейчас ответят.

Виктор попросил принести чистое полотенце. Лидия ушла за ним, а я присела рядом. Он пробовал помочь Григорию, коротко говорил, что нужно подать или придержать, и я делала, что он просил. В какой-то момент потянулась к перевёрнутому флакону: краска могла испачкать рукав. Виктор поймал мою руку за запястье.

— Потом.

Я оставила флакон в покое и смотрела на руки Виктора.

Григорий лежал неподвижно. За стеной порывом ударило что-то железное; Алексей вздрогнул и обернулся к коридору. Я разозлилась на этот звук, на ветер, на свою съехавшую манжету. Всё мешало.

— Островной, слышу вас, — сказали из динамика.

Ольга приблизила трубку. Её голос стал ниже.

— У нас человек без сознания. Дыхания не видим, пульс найти не можем. Воронов Григорий. Нашли сейчас в служебной комнате.

Её попросили повторить фамилию. Надежда назвала отчество и возраст. Я запомнила только, что Григорию было пятьдесят восемь. Вчера он выглядел моложе: смеялся, торопил меня, уверял, что до закрытия ещё далеко. До закрытия у нас действительно было ещё далеко; просто за его спиной стояли другие люди.

— Медработник нужен немедленно, — сказала Ольга. — И сообщите в милицию. Возле головы повреждение.

Дежурный переспросил, есть ли ещё пострадавшие. Ольга оглянулась. Мы все покачали головами, хотя с берега этого видеть не могли.

— Нет. Больше никто.

Голос пропал посреди следующей фразы. Ольга терпеливо повторила вызов. Надежда развернула чистое полотенце, которое только что принесла Лидия, и остановилась, посмотрев на Виктора.

Он сидел на корточках, опустив руки.

— Надя, подожди.

Ольга снова услышала берег. Дежурный сказал, что свяжется с фельдшером и с катером. Пётр Андреевич идёт к берегу; попробуют взять человека и вернуться. Потом спросил, кто нашёл Григория.

Я поднялась. Колени разгибались плохо.

— Мы с Ольгой. Пришли прямо с причала.

Ольга передала мои слова и назвала меня. Я сказала своё имя громче, чем требовалось, по привычке разговаривать с плохим телефоном. Берег попросил ничего лишнего в комнате не передвигать, оставаться на связи и сообщить, если состояние изменится. В этих словах оставалась возможность, за которую мне хотелось держаться. Виктор посмотрел на лицо Григория и отвернулся.

Надежда тоже смотрела на него, прижав полотенце к груди. В тишине оно казалось огромным, хотя было обыкновенным кухонным полотенцем с голубой каймой.

— Дайте пройти, — сказала она.

Мы посторонились. Надежда опустилась рядом, назвала Григория по имени и осторожно коснулась его плеча. Ольга смотрела в окно. Алексей стоял у косяка с открытым ртом, пока Лидия не велела ему выйти в коридор.

— Я здесь побуду, — ответил он.

— Здесь и будь. За порог не лезь.

Надежда подняла на меня глаза.

— Он мог упасть. Стул тут вечно ездит.

Я посмотрела на стул, на тяжёлый прижим у тела. Объяснить это я не могла. Виктор взял Надежду под локоть, помог подняться и отвёл к двери.

— Сейчас не надо, — сказал он.

— Что не надо?

— Накрывать. Пусть приедут.

Надежда опустила взгляд на полотенце, словно удивилась, что держит его.

— Я не собиралась.

Она положила полотенце на подоконник в коридоре. Аккуратно, каймой внутрь.

Надежда ушла в дом за сухими вещами. Перед уходом потрогала мои мокрые рукава и велела пока расстегнуть куртку. Я пообещала.

Ольга спросила, где её блокнот. Никто не ответил. Он лежал в кармане, но она дважды обшарила карманы, прежде чем нашла. Из другого кармана выпал футляр камеры. Алексей поднял его и протянул ей, стараясь не заглядывать в комнату.

— Сфотографировать? — спросила Ольга у Виктора.

Он посмотрел на меня.

— Я не знаю, — сказала я. — Мы всё равно уже здесь были.

— Для них. Как было, когда нашли.

— Тогда снимите. Отсюда.

Я сама отступила к двери. Ольга сделала общий кадр, потом ещё один со стороны окна. Она старалась не наступать туда, где растеклась краска. Вспышка отразилась в стекле радиостанции, и та на миг стала белой. Лидия отвернулась. Я смотрела на край стола, чтобы случайно не закрыть его собой.

Ольга сняла опрокинутый флакон, пол возле стола, упаковку. Присела у прохода и навела камеру на бумажный обрывок. До него она не дотронулась. Я видела часть листа у ладони и фиолетовую полосу; текст с моего места распадался на отдельные буквы.

— Время записать надо, — сказала Ольга.

Я посмотрела на часы, назвала время и добавила:

— Только это сейчас. Нашли раньше.

— Я так и напишу.

Она спросила, сколько мы шли от причала. Я начала отвечать, потом замолчала. Дорожка короткая, но мы останавливались у гвоздя. Сколько секунд ушло на сумку? Я не засекала.

— Несколько минут. Точнее не скажу.

Ольга записала без возражения. Я была уверена, что она начнёт допытываться точных минут.

Надежда вернулась с кофтой, прошла за нами в коридор и принесла оттуда два стула. Один поставила рядом с Лидией, на другой усадила меня. Сидеть мне не хотелось, но, как только я села, ноги перестали дрожать. Я положила служеб-

ную сумку на колени. Замок упирался в основание ладони, и я продолжала его держать.

— Расстегни куртку, — сказала Надежда. — Ты вся мокрая.

— Потом.

— Сейчас расстегни. Здесь тепло, хуже сделаешь.

Она говорила так же, как Лидия про коробки: дело, которое нужно выполнить, не откладывая. Я расстегнула две пуговицы.

Из служебной комнаты донёсся голос Виктора. Он сообщал на берег, что они сделали и что увидели. Слов было мало, но между ними оставались длинные паузы. Человек на другом конце повторял вопросы. Иногда его приходилось переспрашивать. Никто не говорил «всё», и никто не предлагал заняться другой работой.

Надежда присела передо мной на корточки.

— Ты его раньше видела?

Я решила, что она спрашивает о сегодняшнем утре.

— Мы только с катера. Не заходили никуда.

— Вообще видела. Гришу.

— Вчера. У себя в отделении.

Она поднялась, опершись рукой о колено.

— Как это вчера?

Лидия повернула голову ко мне.

— Он посылку получал, — сказала я. — Бумажный короб, тяжёлый для своего размера. Я выдала ему лично.

Алексей стоял дальше по коридору. Он обернулся так резко, что стукнулся затылком о дверцу шкафа. Ольга вышла из комнаты, держа камеру за ремешок.

— Ты мне уже говорила, — сказала она. — Тамара, вчера какое число было?

Я ответила. Ольга посмотрела на Надежду и снова на меня.

— Вчера он был здесь.

Сначала я подумала, что речь идёт об утре или вечере.

— Он мог вернуться.

— Он не уезжал, — сказала Надежда.

Она произнесла это тихо. От тихого голоса стало хуже: ошибку, казалось, уже нашли и теперь старались не обидеть меня.

— Вы знаете, во сколько я выдавала?

— Тамара, он несколько дней никуда не выбирался. Ты с кем-то путаешь.

Я подняла на неё глаза.

— С ним разговаривала.

— У тебя сколько народу за день проходит? Фамилия запомнилась, и кажется теперь.

Лидия поправила платок, завязанный под шапкой.

— Он вчера чай у меня пил.

— В котором часу? — спросила я.

— Чаю ему разве мало? Приходил, сидел. Извините, не записывала.

Я услышала, как резко прозвучал мой вопрос, и прикусила внутреннюю сторону щеки. За дверью лежал их человек. Я приехала час назад и уже требовала расписания чаепитий.

— Я только о дороге, — сказала я. — Он мог уехать и вернуться.

— На чём? — спросил Алексей.

Я посмотрела на него.

— На катере. На лодке. Я не знаю, на чём.

— Катер сегодня первый.

— Регулярный, — поправила Ольга.

Алексей дёрнул плечом.

— Я про наш.

Виктор вышел из комнаты. Мы все замолчали. Он кивнул Ольге:

— Там ещё спрашивают. Повтори им про крыльцо и вход.

Она прошла мимо нас. Надежда обратилась к Виктору, будто теперь он мог закончить начатый разговор.

— Тамара говорит, что вчера Гриша к ней приезжал.

Виктор посмотрел на меня. Я ждала, что он спросит время выдачи, но он сказал:

— Вчера я его здесь видел.

— И я сегодня здесь его вижу, — ответила я. — Это не мешает тому, что было вчера на материке.

Получилось сердито. Виктор отвёл глаза к сумке у меня на коленях.

— Что за посылка?

Я обрадовалась обыкновенному вопросу. Рассказала про упаковку, про ярлык, про то, как пришлось подождать, пока Григорий найдёт очки. Обмолвилась о ручке. Словно ручка могла убедить их лучше лица и голоса.

— Я и паспорт смотрела, — добавила я. — Выдача записана.

— У тебя с собой? — спросила Надежда.

— Нет. Запись в отделении.

— Вот завтра и проверишь.

Она положила ладонь мне на плечо. Я сидела, задрав голову, а она стояла надо мной; от этого простой совет звучал окончательным решением. Я сдвинулась к краю стула, и рука соскользнула.

— Что тут проверять?

— Фамилию. Дату. Ты у нас человек аккуратный, я понимаю. Но случилось такое…

Она посмотрела в сторону комнаты, не закончив фразы.

Лидия вытерла нос сложенным платком.

— Он и с утра ходил. Я чашку у него забрала.

— Сегодня? — спросила я, уже тише.

— Сегодня. Утром.

— Спасибо.

Лидия сердито расправила платок. Спасибо здесь было совсем не к месту, но другого слова я не нашла.

Из динамика донёсся голос, и Ольга высунулась в коридор.

— Пётр Андреевич идёт за фельдшером. Попробуют вернуться.

Надежда убрала стул с прохода. Мы все машинально отодвинулись от стены, словно капитан должен был появиться немедленно, прямо из конца коридора.

— Ветер уже с воды, — сказал Виктор.

— Знает, — ответила Ольга.

Больше они об этом не говорили. Я посмотрела на мокрое стекло наружной двери. По нему уже не стекали отдельные капли: вода шла косыми полосами.

Лидия принесла чай. Не на подносе, а в большой эмалированной кружке, которую держала двумя руками. Она предложила мне первой. Я отказалась, потом взяла: у неё устали руки.

Чай был слишком горячий. Я держала кружку за ободок и дула, не пытаясь пить. Надежда куда-то ушла и возвратилась с сухими носками для меня. Я сказала, что ноги сухие. Она поставила свёрток на мой баул: Алексей успел принести его с причала вместе с остальными личными вещами, уже после нашего крика.

— Если понадобится, будут здесь.

Я поблагодарила. Отказать в носках было бы проще, если бы она давала их с упрёком. Она только занималась тем, что сейчас можно было устроить.

Ольга сидела в служебной комнате у радиостанции. За её

спиной, ближе к двери, мы оставили свободный проход. Виктор прикрыл внешнюю створку окна: от неё тянуло, и ветром шевелило угол бумаги на столе. Я видела, как он подошёл к окну, взялся за ручку, закрыл створку и отошёл. Мне хотелось, чтобы в комнате больше ничего не менялось, но нельзя было держать людей на сквозняке ради моего желания запомнить каждую мелочь.

— Здесь такой холод был? — спросила я у Лидии.

— Окно неплотно. Ночью стынет.

Она посмотрела на мои руки.

— Отдай, обожжёшься.

Я вернула кружку. Лидия отпила сама и даже не поморщилась.

— Вы у него чашку забрали, — напомнила я. — Из этой комнаты?

— Отсюда.

— А он что делал?

— Чего ему с утра делать? Бумаги свои разбирал. Вернее, собирался. На столе ещё ничего не было, я протёрла. Пыль с окна летит.

Я посмотрела на тёмную дверь.

— Совсем ничего?

— Рация была, лампа. Прижим на месте стоял. Я про его бумаги говорю. Подкладку сухую поправила, кружку взяла и ушла.

Лидия подняла плечи, будто уже жалела, что сказала лиш-

нее.

— Краска тогда не была разлита? — спросила я.

— Стала бы я её тряпкой размазывать? Флакон закрытый стоял. Я за него не отвечаю, только пыль вытерла.

— Я не о том.

— А о чём?

Я не сумела объяснить. Утром Григорий был жив. Когда всё переменилось, я не знала.

— Вы видели, как он убирал посылку? — спросила я.

— Не видела я никакой посылки. Спросите Надю.

— Он ничего вам про неё не говорил?

— Тамара, не говорил.

Она перестала сердиться и вдруг как-то уменьшилась на стуле. Кружку держала всё так же крепко. Я посмотрела на шапку Лидии: та до сих пор сидела в ней.

— Вы здесь с ним давно?

— С перерывами. Люди уезжают, возвращаются.

Она перевела взгляд на радиостанцию, и я оставила её в покое.

Надежда вернулась из дома с кофтой для Ольги. Та не взяла, только мотнула головой. Надежда повесила кофту на спинку стула. Потом присела рядом со мной, положив между нами свёрток с носками.

— Ты не думай, что мы на тебя нападаем, — сказала она. — Здесь всё время одни и те же лица. Мы бы знали, если бы Гриша выбрался.

— Все знали бы?

— Здесь невозможно незаметно жить.

Она произнесла это без улыбки. Я посмотрела в окно: сквозь запотевшее стекло виднелась часть дорожки и крыша навеса. Тележка ещё стояла у причала, накрытая брезентом. Из коридора не было видно ни лодки, ни другого берега.

— Вы его весь день вчера видели?

Надежда поправила край свёртка.

— Мы делами занимались. Общую опись закрывали. Он с нами был.

— С кем?

— Со всеми. Потом покажу.

— Сейчас можно?

Она посмотрела в сторону комнаты.

— Тамара, давай приедут люди. Ты чего добиваешься?

Я почувствовала себя так, будто при всех потребовала пересчитать сдачу на поминках. Кружки, носки, чужая кофта на спинке — здесь пытались выдержать случившееся. А я говорила о вчерашней посылке, которая не могла помочь Григорию.

— Я хочу понять, — сказала я.

Надежда погладила меня по руке.

— Потом поймём. Сейчас у Оли батареи сядут. Надо хлеб убрать, он намокнет. Лёша не знает, что куда. Виктор разорвётся.

Она называла нужные дела, и каждое было настоящим. Я

кивнула. Она поднялась, оставив свёрток между нами, и пошла к Алексею.

Я осталась на стуле. В отделении всё можно было проверить: вынуть нужную запись, поднять извещение, попросить коллегу вспомнить. Здесь я держала у себя на коленях сумку с совершенно другими бумагами. Моей вчерашней подписи в ней не было.

Алексей вернулся за курткой, которую оставил на гвозде. Он сунул руки в рукава и остановился возле меня.

— А если выдали другому, на вас повесят?

— Что повесят?

— Ну, посылку. Возмещать заставят?

Я посмотрела на него. Вопрос был неприятный, но вполне обыкновенный: он думал о том, что происходит, когда на работе обнаруживается чужая пропажа.

— Сначала выяснят, кому выдали. Потом будут разбираться.

— Бумаги-то сейчас там.

Он кивнул на дверь. Я поправила очки, успевшие сползти на самый кончик носа.

— Упаковка там. А что внутри, я ещё не видела.

— Значит, могла вернуться.

— Куда?

— На остров. С другим человеком.

— Могла. Я ведь не говорила, что своими глазами видела дорогу.

Он просунул большие пальцы под резинки манжет, вытянул рукава и пошёл к выходу. У наружной двери задержался, посмотрел на дождь и застегнул молнию до подбородка. Мне вдруг захотелось, чтобы он вернулся и договорил. Кого представлял себе вместо Григория? Обычного знакомого, который привёз чужую коробку? Или человека с его паспортом?

Я вынула блокнот. Написала вчерашнюю дату, затем слово «выдача». Первая буква получилась такая крупная, что для фамилии не хватило строки. Я перевернула страницу. Испорченный лист вырывать не стала.

Ольга вышла из комнаты, прижав трубку к груди.

— Тамара, я сказала им про вчерашнюю выдачу. Берег спрашивает, что за отправление.

Я поднялась так быстро, что свёрток с носками упал на пол.

— Дайте мне трубку.

Глава 3. Пять подтверждений

Трубка была тёплой от Ольгиных рук. Я взяла её так, как брала телефон, но Ольга показала, где нужно придержать. Слова дежурного прошли мимо: я слушала собственное дыхание и ждала, когда мне разрешат говорить.

— Он спрашивает, что в посылке, — повторила Ольга.

— Я не знаю содержимого. Выдавала закрытую. Адресат — Григорий Воронов.

Дежурный попросил назвать место выдачи. Я назвала отделение, потом дату. Объяснила, что вчера Григорий сам пришёл, показал паспорт и расписался. Ольга стояла возле моего локтя и смотрела на стол. Надежда оставалась в дверях.

— По документам выдали? — спросил дежурный.

— Да. Но я говорю ещё о том, что лично его видела.

В динамике затрещало. Я начала повторять, а он попросил не говорить так быстро.

Я заставила себя помолчать. Ольга осторожно опустила мою руку: я подняла трубку слишком близко ко рту.

Дежурный записал и спросил, может ли кто-нибудь подтвердить вчерашнюю выдачу в отделении.

— Запись осталась. Коллега была в соседней комнате, видела ли она самого получателя, я не знаю. Это нужно спрашивать у неё.

— Понял. Передам.

Я едва не сказала «спасибо». Мне хотелось, чтобы он немедленно сделал что-нибудь с тем, что услышал: позвонил, получил ответ и вернул мне его через ту же трубку. Но он пытался помочь человеку, лежавшему на полу. Разговор о посылке был для него одной из подробностей.

— Здесь говорят, что Григорий вчера не уезжал, — добавила я.

Надежда подняла голову. Ольга отступила на полшага.

— Кто говорит?

Я оглянулась.

— Надежда Ильина. Лидия Коваль. Виктор Левшин. Ольга Ермолаева. Алексей Руднев.

На последней фамилии я запнулась. Фамилию Алексея мне только что назвала Надежда; до этого я слышала одно имя. Странно было передавать на берег фамилию человека, которого я ещё толком не знала.

— По каждому запишите, что сам видел, — сказал дежурный. — Люди приедут, всё расскажете. Мне пока важно, что с человеком сейчас.

Я передала трубку Ольге. Она отвечала на вопросы коротко и обходилась без меня. Я вышла в коридор, чтобы не мешать. Надежда последовала за мной.

— Зачем ты перечислила всех?

— Он спросил.

— Теперь будто мы что-то против тебя…

Она остановилась, подбирая слово. Я тоже не нашла подходящего.

— Я сказала, что слышала.

— А Лёша? Он тебе ничего не говорил.

Я вспомнила его вопрос про лодку и ответила не сразу.

— Говорил, что катер вчера не приходил.

— Это другое.

— Тогда я поправлю.

Надежда вздохнула и посмотрела на мой блокнот.

— Ты всё собираешься записывать?

— Я не запомню.

— И зря. Такого не забудешь.

Я открыла блокнот на записи о вчерашней выдаче. За крупным словом «выдача» так и не появилось фамилии.

— Уже не помню, когда мы вошли, — сказала я.

Надежда не стала возражать. Провела ладонью по волосам и заправила седую прядь за ухо.

— Ладно. Пиши. Только за людьми успевай.

В общем доме было тепло и пахло капустой. Я заметила это с досадой. Хотелось, чтобы здесь тоже стало холодно, чтобы обычная жизнь не продолжалась через два крыльца от Григория. Лидия толкнула меня в спину пустым подносом: я встала посреди кухонного прохода.

— Проходи уже. Или назад.

Я прошла к столу. Баул стоял в соседней комнате, на табу-

рете. Надежда распахнула дверь и показала приготовленную постель: чистая наволочка, шерстяное одеяло, таз под умывальником. На подоконнике лежал кусок мыла в картонной коробочке.

— Переоденься. Пока Оля на связи.

Я не хотела оставлять её одну со всем этим. Но мокрые рукава прилипли к запястьям, и я подчинилась. Сняла куртку, вывернула манжеты свитера, поставила ботинки под табурет. Тапочки, ради которых спорила с баулом, оказались сейчас нужнее всего. Я надела их и сразу вспомнила матросов сапог возле сумки. С того разговора прошло совсем немного времени.

Надежда постучала, хотя дверь была открыта.

— Чай здесь будешь или с нами?

— С вами.

— Тогда бери сумку. Комната не закрывается.

Она сказала это без всякого намёка, просто предупредила. На тумбочке стояла пустая кружка с отбитой ручкой. Я положила в неё ключи от своей квартиры — иначе могла забыть, в какой карман их переложила. Служебную сумку взяла с собой.

За кухонным столом сидели Лидия и Алексей. Он крошил хлеб прямо на клеёнку, отщипывая понемногу от одного ломтя. Лидия поставила передо мной тарелку.

— Пока горячее.

— Я не смогу.

— Не сможешь — оставишь.

Она не стала уговаривать дальше. Села, подложив под себя край фартука. На плите тихо постукивала крышка кастрюли. Я убрала сумку на колени и раскрыла блокнот возле тарелки.

Алексей поднял глаза.

— Уже опрашивать?

— Мне велели записать, что каждый видел сам.

— Вы же не милиция.

— Поэтому можете не отвечать. Я запишу только свой разговор с вами.

Он положил искрошенный ломоть на край тарелки. Мне не понравилось, что я заставила его защищаться, прежде чем вообще задала вопрос.

— Алексей, я неправильно передала на берег ваши слова. Сказала, что вы тоже уверены: Григорий вчера не уезжал. А вы говорили про катер. Я сейчас уточню.

Он посмотрел на Надежду.

— Я и про Григория говорил. Он здесь был.

— Вы сами его видели?

— Сам.

— Когда?

Алексей потёр пальцем край тарелки. Надежда, стоявшая у плиты, убавила огонь под кастрюлей.

— С утра, потом ещё. Я не следил.

— Вчера с утра?

— Вчера. Сегодня. Каждый день видел, пока вы не приехали.

Последнее прозвучало так, будто моё прибытие и стало причиной. Лидия поставила на стол хлебницу, отняв у него возможность дальше крошить ломоть.

— Лёша, воду проверь. В ведре мало.

Он поднялся слишком охотно. Надежда остановила его у двери:

— Не уходи далеко. Если Оля позовёт, чтобы сразу был.

Когда он вышел, я написала его имя и оставила строку незаконченной. «Сам видел» было ответом, но ко времени выдачи посылки его никак не привязать. Я ещё не сказала ему, во сколько выдала посылку. Он отвечал про целый день.

— Ты зря с него начала, — сказала Надежда. — Он на нервах.

— А с кого надо?

Она подвинула мне чашку.

— Не ешь над тетрадью. Зальёшь.

Я перенесла блокнот на край стола. Надежда села напротив, оставив между нами свободное место. Она снова переоделась: вместо тонкой кофты на ней был рабочий свитер, аккуратно заштопанный на локте. Я только теперь заметила шов.

— Я Гришу вчера видела не раз. Опись с ним делала, в хозяйстве вместе были. Он здесь ночевал. Если бы уезжал, я бы знала.

— Он должен был вам сказать?

— Я не начальник его. Но здесь общий быт, общая работа.

Она взяла чайную ложку, постучала ею о край чашки и положила обратно.

— Он мог собраться на материк, конечно. Время от времени говорил. Но собирался давно, а всё оставался.

— Опись вчера составляли?

— Да. Перед последним рейсом. Все расписывались.

— Все вместе?

— Все, кто здесь живёт. И Гриша.

Я посмотрела на неё. Она пила чай. На вопрос о «вместе» ответ получился другой, но я ещё не могла понять, что именно следует спросить дальше. Человек с блокнотом легко становится назойливым, даже когда сидит в собственных тапочках и не имеет права ничего требовать.

Лидия налила себе кипятку.

— Подпись там моя. Я помню.

— И чай? — спросила я.

— И чай помню.

— Вчера у вас Григорий сидел один?

Она посмотрела на пустое место рядом с собой, как будто могла восстановить его положение за столом.

— То входили, то выходили. С утра здесь народу много.

— Вы его на весь день запомнили или в какой-то один момент?

— Тамара, он здесь жил. Я не запоминаю, как человек вхо-

дит на кухню каждый раз. Он чашку оставит — я уберу. Если не уберу, некому будет.

Лидия сжала губы, и я закрыла блокнот.

— Простите. Я спрашиваю так, будто вы мне обязаны.

— Не обязана. Но помочь хочу.

Она вытерла крошки ладонью в маленькую кучку и смахнула их в подставленную тарелку. Потом убрала тарелку. На освободившемся месте осталось мокрое кольцо.

— Сегодня утром стол у него был чистый, — сказала она. — Это я помню. И краска закрыта. Я тебе уже говорила. Здесь хоть записывай, хоть нет.

Я снова открыла блокнот.

— Запишу.

Она диктовала медленно и сердито. Чашку забрала, поверхность протёрла, подкладку поправила. Прижим стоял на столе, Григорий был в комнате. На вопрос, сколько прошло времени до спуска на причал, она ответила, что успела заняться обедом. Это я и записала, без часов. Лидия посмотрела на страницу, провела пальцем вдоль своей фамилии и кивнула.

— Вот. Так и было.

Надежда молча слушала. Потом попросила дать ей блокнот. Я передала. Она прочитала две страницы, задержалась на вчерашней выдаче и вернула.

— Здесь выходит, будто мы все тебе возражаем.

Я не ответила. Именно так и выходило.

— А где написано, что мы помогали? — спросила она.

Я посмотрела на неё, потом на страницу. Там были фамилии, посылка, обрывки времени. Виктор с Григорием на полу, Ольга у радиостанции, полотенце Лидии — ничего этого я не внесла. Увидев пустое место, я взяла ручку.

— Допишу.

Надежда кивнула. Мне было стыдно, хотя прежде я не собиралась никого обвинять.

Виктор застал меня в коридоре с расстёгнутой сумкой. Я искала чистый лист, чтобы передать на берег краткие сведения отдельно от своих заметок. Он держал в руках мои ботинки.

— К печке поставить?

— Только не близко.

— Знаю.

Я чуть не рассказала, сколько стоят новые ботинки. Сдержалась: Виктор и без этого знал, как их сушить.

— Вы ели? — спросила я.

— Позже.

— Там ещё есть.

— Лидия оставит.

Он присел, поставил ботинки на бок и выпрямился. На рукаве остался тонкий след пыли, он стряхнул его пальцами. Я видела, что руки у него дрожат. Незаметно, только когда он остановился.

— Как там?

— Ольга ждёт. Мы больше ничего не…

Он замолчал.

— Вы с ним давно знакомы?

— Достаточно.

Я развернула лист. Виктор посмотрел на строки.

— Про вчера?

— Меня попросили записать. Можно я вас спрошу?

Он кивнул.

— Вы видели его перед обедом или после?

Виктор потёр ладонью переносицу. Мне захотелось отложить вопрос до завтра, но завтра он мог помнить не лучше.

— Раньше видел. И под вечер. На всё подряд не отвечу.

— Я и не прошу на всё. Посылка у него была?

— Не заметил.

— Он говорил, что ждёт?

— Не мне.

Я записала его ответы. Он не заглядывал через плечо. Это позволяло мне писать спокойнее, без желания подобрать слова, которые ему понравятся.

— Значит, когда я выдавала посылку, вы его не видели? — спросила я.

— Я знаю, что вчера был здесь Григорий. Вы сейчас спрашиваете, где был каждый час. Не скажу.

Он посмотрел на меня прямо.

— Если вы его видели, так и пишите. Я за вас не решу.

От этих слов стало легче, и я тут же испугалась, что начну считать его более надёжным только потому, что он не пытался меня переубедить. Между мной и Виктором лежали вчерашние часы, о которых он ничего не хотел или не мог сказать. Я оставила возле его ответа место.

— А сегодня вы видели его?

— Рано. До причала. Он просил потом заглянуть.

— Зачем?

— Не сказал. Я и не заглянул.

Он повернулся к двери. Уже в тамбуре оглянулся:

— Надя вам комнату показала?

— Да.

— Если замёрзнете, скажите. Там батарея с характером.

Он ушёл, а я осталась с листом. Мне показалось, что он говорил о батарее, чтобы не оставлять последними слова «не заглянул». Я не стала записывать это предположение.

В служебном строении было тише. Ольга сидела у радиостанции, поставив локти на колени. Я постучала по косяку, хотя дверь была открыта.

— Можно?

— Заходи. Только там, где уже ходили.

Я выбрала место возле шкафа. С него не было видно лица Григория. Упаковка свисала со стола, на бумаге расплывались тени от окна. Я невольно следила за ними, пока Ольга складывала свои записи.

— Ты сказала, он вчера был здесь, — начала я.

— Был.

— Ты сама его видела?

Она поджала губы. Я успела подумать, что опять получу замечание за настойчивость, но Ольга поднялась и достала из настенного кармана толстую тетрадь.

— Вчерашняя смена. И общая опись.

— Я о человеке спрашиваю.

— Тамара, здесь чужие фамилии в журнал не пишут.

Я посмотрела на раскрытую страницу. Почерк был убористый, с нажимом; одна строка вписана теснее других. Я не умела читать их сокращения и не хотела угадывать.

— Объясни, пожалуйста, что здесь означает его присутствие. Для меня это просто запись.

Ольга прижала страницу ладонью, потом убрала руку.

— Здесь у нас рабочая отметка. Я тебе позже нормально покажу, сейчас берег ждём.

Она не захлопнула тетрадь, оставила открытой на подоконнике. Я могла продолжать смотреть, но ничего нового от этого не узнала бы. Ольга раздражалась, и всё же я не увидела в ней желания спрятать страницу.

Возле радиостанции лежала другая тетрадь, тонкая, с загнутыми углами. Ольга заметила мой взгляд.

— Это связь.

Она подвинула тетрадь на свободный край стола, не задевая упаковки, и показала сегодняшнюю строку. Время было записано, далее стояло: «Берег. Уточнение по доставке».

В конце — инициалы Григория. Я прочитала вслух. Ольга кивнула.

— Кто писал?

— Похоже на его руку. Подписано им.

— Ты слышала разговор?

— Нет, я на причале была.

Я посмотрела на время. Часы в комнате, часы на катере, мои наручные — я не сверяла их между собой. Да и поставить цифры человек мог раньше или позже самого разговора. В отделении тоже случалось заполнить строку не в ту минуту, в которую передали пакет. Но запись была, и о ней нужно было сказать.

— Дежурный должен знать, с кем говорил, — сказала я.

— Сейчас на берегу другой.

— Пусть спросит утреннего.

Ольга посмотрела на меня внимательнее. Я не знала, почему до этого не спросила сама: Пётр Андреевич ещё на подходе говорил, что остров выходил в эфир. Тот, кто принимал утренний вызов на берегу, мог слышать Григория живым. Возможно, совсем недавно.

— Я про эту строку уже передала, — сказала Ольга. — И что подпись Григория. Но выяснить у утреннего дежурного не догадалась.

Она взяла трубку. Пришлось вызвать дважды. Между вызовами я смотрела на чернильный след в конце строки и старалась удержать в уме точную формулировку. Важно было

не подсказать берегу ответ.

Когда дежурный отозвался, Ольга дала мне договорить.

— Пожалуйста, выясните у того, кто был утром: он разговаривал именно с Григорием Вороновым? Узнал ли голос, что тот отвечал? И было ли это до начала передачи груза или после? Мы с катера слышали сообщение о начале. Самого разговора не слышали.

Дежурный повторил вопросы. Я подтвердила каждый. Потом он попросил Ольгу продиктовать всю строку журнала вместе со временем. Она продиктовала. Я ничего не прибавляла.

— Принял, — сказал берег. — Проверим. Оставайтесь на связи.

Ольга положила трубку. Мы посидели молча. Мне хотелось сразу вернуться к людям и сказать, что уже есть за что взяться. Я удержалась: за что именно, мы ещё не знали.

— Пятый раз про его вчера, — сказала Ольга.

— Извини.

— Я про нас. Ты спрашиваешь — мы отвечаем. Все уверены.

Она закрыла толстую тетрадь, тонкую оставила на прежнем месте. Потом вынула из камеры карточку и посмотрела на неё, как на вещь, которую лучше было бы никогда не покупать.

— Мне бы снимки сохранить ещё куда-нибудь.

Я протянула ей пустой футляр, оставшийся на стуле. Оль-

га положила туда карточку, а сама ушла в соседнюю комнату. Вернулась с толстым старым ноутбуком под мышкой и сетевым шнуром, намотанным на ладонь.

— Рабочий. Без розетки сразу выключается.

Я принесла из коридора один из дополнительных стульев, которые поставила Надежда. Ноутбук поместился на нём, и Ольга села рядом на корточки. Стул с папкой по-прежнему стоял возле стола. Сначала экран оставался чёрным, потом появилась заставка. Машина долго шуршала, прежде чем позволила что-нибудь открыть. Ольга придерживала провод возле гнезда.

— Контакт отходит? — спросила я.

— Шнур короткий. Сесть бы нормально.

Мы подтащили стул ближе к стене. Двое взрослых людей двигали мебель на полметра и старались не смотреть на пол за своей спиной. У меня опять похолодели ладони.

Ольга вернула карточку в камеру, подключила её обычным проводом и открыла папку. Первым на экране появилось стекло с трещинами. На другом снимке я держала бирку двумя пальцами. Я узнала свою перчатку раньше, чем поняла, что вижу.

— Эти оставлю отдельно, — сказала Ольга.

Она скопировала снимки с причала, затем остальные. Цифры возле значков медленно менялись. Мы ждали. Ольга открыла два общих кадра, убедилась, что они сохранились, и свернула окно. Удалять ничего не стала.

— Пусть будут в двух местах.

Я кивнула. В динамике щёлкнуло, и раздался голос Петра Андреевича.

— Островной, ответьте. Мы взяли фельдшера.

Глава 4. До завтра

Пётр Андреевич говорил громче, чем прежде. За его голосом слышался ровный гул и что-то ещё, похожее на сильный дождь по жестяному листу. Ольга выпрямилась на стуле.

— Слышим. Вы где?

Он ответил, но часть слов пропала. Я поняла только, что фельдшер на борту, а к причалу они пока не идут. Виктор, заглянувший в комнату, подошёл к окну. Постоял, наклонив голову к стеклу, потом надел куртку.

— Посмотрю снизу.

— Я с вами.

Он окинул взглядом мои тапочки.

— Обуйтесь.

Я вернулась в дом. Ботинки стояли возле печки и уже согрелись. Натягивать их было неприятно: носки успели стать сухими и мягкими, а в ботинках оставалась сырость. Я завязала шнурки, не садясь. Надежда ждала в коридоре.

— Фельдшер едет?

— Пытаются подойти. Виктор спустился.

— Ты-то зачем?

Я не знала, как объяснить, что мне нужно увидеть катер. Достаточно было бы зайти в комнату и снова услышать капитана, но я всё равно тянула рукава куртки.

— Если понадобится что-нибудь передать.

Надежда забрала у меня пустую кружку и посторонилась.

На крыльце стало ясно, насколько усилился ветер. Капюшон хлопнул возле уха, дверь вырвало из руки. Я ухватилась за ручку обеими ладонями и закрыла её со второй попытки. Виктор ждал у начала дорожки. Он ничего не сказал о моей спешке, только показал, куда ступать.

Доски потемнели. Между ними стояла вода; порывы срывали её брызгами. Слева под домом ударило железо — тот же звук, который я слышала возле Григория. Виктор пригнулся, поднял отставший лист и закрепил его обломком доски.

— Это давно?

— С утра не было.

На причале лежал брезент, придавленный с трёх сторон ящиками. За четвёртый угол держался Алексей. Он посмотрел на нас и попробовал освободить руку, но полотнище раздулось.

— Не отпускай, — сказал Виктор.

Он присел рядом, переложил ящик ближе и забрал у Алексея край. Я осталась под навесом. Крыша дребезжала над головой, вода летела сбоку и попадала на губы. Я протёрла лицо рукавом, стало только солонее.

Катер был виден за сваями. Он то пропадал за серой полосой, то снова показывал борт. В рубке горел свет. Пётр Андреевич не шёл к нам: судно оставалось дальше того места, где утром начало поворачивать к причалу. Я ждала, что сейчас он выберет удобную минуту, и сама переставала дышать,

когда казалось, будто катер поворачивал носом к нам.

Алексей смотрел туда же. От его привычной усмешки ничего не осталось.

— Не получится, — сказал он.

Я рассердилась.

— Он ещё не сказал.

Алексей поднял глаза на Виктора. Тот застегнул воротник и покачал головой.

— Посмотрит. Если можно, подойдёт.

Катер держался на воде ещё несколько минут. Мне показалось, что я вижу у стекла второго человека, но уверенности не было. Зато борт я видела хорошо, и не хотела бы сейчас снова ступить на трап. Вспомнила, как он прогнулся подо мной утром. Тогда это было просто неудобно.

Виктор тронул меня за рукав.

— Давайте обратно. Они по связи скажут.

— А если…

— До нас всё равно докричатся. На крыльце подождём.

Он не тянул меня. Я ещё немного постояла и сама пошла вверх. На середине дорожки оглянулась. Катер повернулся к нам кормой.

Я не слышала приказов капитана и не знала, что произошло у него в рубке. Передо мной оставалась вода, по которой я приехала, а теперь не могла уехать или принять человека с берега. От этого близость материка казалась издевательством. Когда мы входили в пролив, мне даже захоте-

лось спросить, сколько времени идти до острова на маленькой лодке. Сейчас я перестала понимать, как могла об этом думать.

У дверей Виктор стряхнул воду с рукавов.

— Замёрзли?

— Нет.

Он посмотрел на меня. Я вытерла подбородок ладонью.

— Да.

Виктор пропустил меня в тамбур, придержал дверь и только потом вошёл сам.

В комнате Ольга разговаривала с Петром Андреевичем. Он сказал, что высадить фельдшера безопасно не может. Если станет тише, попробуют снова. На берегу уже знают, помощь готовят.

Я стояла у косяка, не раздеваясь. Капитан спросил, все ли здесь в помещении, нет ли кого-нибудь у воды. Виктор ответил, что Алексей ещё у причала, и попросил капитана не ждать, пока его позовут. Ольга отложила трубку.

— Я позову, — сказал Виктор и снова вышел.

Фельдшер заговорил из динамика. Ольга отвечала, поворачиваясь к нам, если чего-то не знала. Я рассказала, что было с момента, когда открыли дверь. Он попросил повторить некоторые вещи. Слово «вчера» ему в этой части рассказа не понадобилось.

Разговор был недолгим. Мне казалось, что после него в

комнате должно что-нибудь измениться: приедут люди, появятся носилки, нам скажут выйти. Ольга положила трубку, и всё осталось прежним. Только ветер стал сильнее гудеть в щели над окном.

— Гриша, — произнесла Лидия из коридора.

Она сказала это едва слышно. Надежда подошла к ней и взяла за плечи. Лидия не плакала, только позволила вывести себя в тамбур.

Ольга сидела, глядя на руки. Я хотела предложить сменить её, но сама ещё не умела толком вызвать берег. Она поняла без слов и подвинула мне стул.

— Сядь пока. Если я выйду, позовёшь.

Я села. Ольга объяснила лишь то, что было нужно для разговора, и попросила не крутить остального. Я не собиралась.

Ольга вышла умыться. Я осталась рядом с радиостанцией, стараясь смотреть в окно. Витой шнур цеплялся за край журнала; я осторожно освободила его. Не тронула ни флакон, ни упаковку. На полу сохранился след моего первого шага в краску. Я заметила его только теперь и вдруг испугалась, что станут спрашивать, кто оставил.

Нужно было записать. Я раскрыла блокнот, отметила, где стояла при обнаружении, куда присела. Вчерашнюю страницу пропустила. Рука успокоилась, буквы стали обычного размера.

За окном прошёл Виктор с Алексеем. Они несли последний свёрток, который нельзя было оставлять под брезентом.

Алексей прижимал его к животу, Виктор поддерживал снизу. Оба наклонились вперёд. Я проследила, как они вошли в общий дом.

Вернулась Ольга с мокрым лбом и стянутыми резинкой волосами. Она поставила на пол кувшин воды и чистую кружку.

— Пить захочешь.

— Я думала, уже не захочу.

— Захочешь.

Она села на прежнее место. Мы посидели вдвоём, слушая эфир. Время от времени вызывали другие, не нас. Ольга узнавала по голосам и не отвечала. Я спрашивала только глазами.

— Не наш пост, — объяснила она. — Подождём.

Потом берег вышел сам. Дежурный передал несколько указаний от милиции: сохранить комнату, не отдавать найденные бумаги другим людям, записать, кто и когда входил после обнаружения. Когда смогут приехать, сообщат. Я спросила, можно ли продолжать пользоваться радиостанцией, если она здесь же.

— Пользуйтесь. Связь нужна. Только лишнего не трогайте.

Ольга оглядела наш угол. Здесь уже стояли два стула и ноутбук, у двери — почта. Я боялась, что нам сейчас велят всё это переставить обратно, но человек на берегу попросил записать, что изменили. Ольга взяла блокнот. Я помогла

вспомнить порядок.

— И окно, — сказала я. — Виктор закрыл.

— Помню.

— И перчатки у двери его были.

— Забрал.

Она записала и это. На странице появились вещи, которые до сегодняшнего дня не заслуживали бы ни одной строчки.

Надежда пришла узнать, можно ли убрать полотенце с подоконника. Чистое, неиспользованное. Ольга посмотрела на него и кивнула.

— Это наше.

— Вдруг вам понадобится.

— Принесёшь ещё.

Надежда взяла полотенце и замялась у двери.

— Он здесь всю ночь будет?

Я поняла, что она спрашивает не из брезгливости. В этой комнате нужно было сидеть живому человеку и принимать вызовы. А дальше по коридору висели куртки, стояла щётка, лежала обычная жизнь. Нельзя было закрыть её целиком.

— Пока не приедут, — сказала Ольга.

— Прикроем хоть.

Ольга связалась с берегом ещё раз. Мы не стали решать сами. Потом принесли чистую простыню. Виктор и Надежда сделали, как договорились; я держала свободный край, чтобы он не задел стол. Ольга до этого сняла ещё общий кадр. Бумагу у руки оставили на месте. Я стояла, вцепившись в

тонкую ткань, и думала только о том, как медленно мы её отпускаем.

Когда закончили, стало легче входить и ещё труднее говорить. Лидия принесла стакан с водой и оставила на подоконнике, сама не зная зачем. Никто не стал его убирать.

К середине дня мне захотелось выйти из всех помещений сразу. Я уже согрелась, записала то, что помнила, и от этого сидеть стало хуже. Попросила Виктора показать, куда здесь вообще можно пройти.

— Подальше от воды, — сказал он.

— Поняла. Я не купаться.

Он улыбнулся одним уголком рта и взял из тамбура запасные рукавицы.

Мы прошли за общий дом. С этой стороны ветер ощущался меньше. Между камнями росла жёсткая трава; в колеях стояла тёмная вода. Чуть дальше виднелась мастерская с низкой дверью. Виктор шёл туда проверить, не заливает ли порог. Мне предложил подождать у стены, но я дошла следом.

Защелка поддалась не сразу. Он прижал дверь плечом, открыл и отступил. Внутри пахло маслом, древесной пылью и холодным железом. Всё было заставлено, но пройти можно. На одном гвозде висели несколько ключей, на другом — ремень; возле тисков стоял надтреснутый стакан с карандашами.

Я вспомнила свой отделенческий стол: те же карандаши, которые никто не выбрасывает, хотя они уже короче пальца. В каждом рабочем помещении обязательно оставалось что-нибудь, бесполезное для чужого человека.

Виктор осмотрел угол у порога и подставил под капель старую жестяную банку.

— Давно так?

— Сегодня потекло. Забивает с другой стороны.

Банка звякала неравномерно. Я осталась у двери, не проходя глубже.

— А кроме причала, где здесь ещё можно высадиться?

Он посмотрел на меня.

— Сейчас — нигде.

— Я вообще спрашиваю.

— Где берег позволяет, туда и подходят в хорошую погоду. На лодке. Но выгружать так людей и ящики неудобно.

— Значит, кто-нибудь мог приехать и не через причал?

Виктор помолчал, прислушиваясь к капели.

— Тамара, я не знаю, кто мог приехать. Лодка есть. Вода была открыта. Это вы и без меня видите. Сегодня туда идти нельзя.

Он не сказал, что на остров никто не проникал. Я была ему за это благодарна. Уверенных ответов на вопросы, которых я ещё не задала, мне уже хватило.

— Я не собираюсь, — сказала я.

— Хорошо.

Он передвинул банку на ладонь в сторону, проверил, что капля попадает внутрь, и пошёл к двери. Я выпустила его первым.

Снаружи были видны низкие строения, дорожки между ними, кусок моря. Никакой настоящей стены вокруг нас не существовало. Если пройти дальше, я оказалась бы на камнях; если вернуться, меня ждали тёплая комната и люди. Уйти отсюда сейчас было некуда.

— До завтра обойдёмся, — сказал Виктор, заметив, как я смотрю на воду.

— Вы уверены, что завтра?

Он покачал головой.

— Нет.

Мы вернулись другой стороной дома, не подходя к берегу. На углу Виктор остановил меня ладонью: от кровли сорвалась струя. Переждали порыв, прошли. Его рука осталась на стене; я сама выбрала момент. Этот пустяк помог больше, чем обещание, что всё скоро кончится.

В доме я сняла куртку, вытерла лицо полотенцем, теперь уже своим, и села на кровать. Подо мной прогнулись старые пружины. До вечера было ещё далеко. Я положила ладони на колени и впервые за день не стала ничего брать.

На стуле стоял баул. Из раскрытого кармана выглядывал свёрток с хлебом, который я взяла в дорогу. Я вынула его, откусила и только тогда заметила, как хочу есть. На кухне суп я почти не тронула.

В дверь постучали.

— Тамара? — позвала Надежда.

Я ответила с полным ртом. Она подождала, пока я проглочу.

— Вывоз твой завтра пока сняли. Оля просила сказать. Будут подтверждать отдельно, по погоде.

Я кивнула. Надежда всё ещё стояла в дверях, как будто ждала возражения.

— Тебе на работу сообщить?

— Да. Я сама передам, когда Ольга вызовет берег.

— Начальнице объясни. Чтобы с тебя не спрашивали.

— Объясню.

Надежда оглядела комнату. Поправила угол одеяла, который я сбила, и пошла к двери.

— Если понадобится что-то, говори. Здесь так молча не сидят.

Я подождала, пока она уйдёт. Потом поставила сумку на стол, вынула служебное поручение и ещё раз прочитала строчку об обратном вывозе. Всё было записано правильно: дата, место, моя фамилия. Я долго смотрела на эту строчку и только после этого убрала лист.

На сей раз сумку застегнула не сразу. Достала блокнот и написала для передачи начальнице короткое сообщение. Про шторм, отменённый заход, обнаружение человека. Слово «погибший» оставила на потом — пусть скажут те, кто имеет право.

Уже у двери я вернулась за хлебом. Завернула недоеденный кусок, положила на подоконник и пошла к Ольге.

Она сидела на прежнем месте. На мою бумагу взглянула мельком, подвинула кружку. Я прочитала сообщение берегу, попросила передать в отделение и сообщить, кто принял. Дежурный записал. Спрашивать ещё раз о Григории я не стала: вопросы уже были у него, ответы обещали уточнить.

— До завтра, — сказал он, имея в виду мой вывоз. — Пока ничего не подтверждено.

Я посмотрела на Ольгу. Та поджала губы, и я поняла, что эту фразу она уже слышала.

— Я остаюсь здесь на связи, — ответила я. — С начальницей пусть свяжутся. И вчерашнюю запись о выдаче сохранят.

Дежурный подтвердил. Я положила свой лист в сумку, оставив сверху, чтобы не искать.

У двери появился Алексей с навесным замком.

— Надя сказала посмотреть, какой сюда подойдёт.

Ольга подняла голову.

— Какой ещё замок?

— Чтобы не ходили. Дверь закрыть.

— А я где сидеть буду?

Он повертел замок в пальцах, посмотрел на дверную ручку.

— Я только принёс.

За ним вошла Надежда. На её свитере темнели мокрые пятна: она успела снова побывать у груза.

— Лёша, я тебе сказала проверить. Оля, ты тоже весь день тут не просидишь. Запрём, ключ у тебя.

— Я должна слышать вызовы.

— На кухне услышишь.

Ольга помолчала, глядя на неё снизу вверх.

— Если услышу только конец, они уйдут дальше. Тебе сейчас спокойнее будет, если запереть. Мне потом отвечать, почему не приняли.

Надежда оглядела комнату. Теперь здесь нельзя было просто войти и заняться привычными делами. Она взяла у Алексея замок.

— Хорошо. Тогда посменно.

Вошёл Виктор. Надежда сразу повернулась к нему и стала делить время. Он слушал, расстёгивая мокрую куртку. Я поняла, что они говорят о ночи. До сих пор мы ждали катер, затем следующую попытку, затем очередной сеанс. Ночь не помещалась ни в один из этих коротких промежутков.

— Я могу посидеть с Ольгой, — сказала я.

Надежда покачала головой.

— Тебе отдыхать надо.

— Я уже сидела. Позвать умею.

— У тебя поручение, вот им завтра и займёшься.

Я посмотрела на почтовый мешок возле шкафа. Он до сих пор стоял нераспечатанным. Пока мы вызывали помощь, доставленное перестало кого-нибудь интересовать, но мне всё равно придётся за него отвечать. И лежавшие в сумке бума-

ги нужно было держать сухими, и полученное передать тем, кому оно предназначалось.

— Поручение я сегодня не выполню. А Ольге хотя бы поесть нужно.

Виктор снял куртку.

— Поест. Я здесь останусь. Потом вместе решим.

Он не спорил с Надеждой и не поддерживал меня. Просто взял на себя ближайшие полчаса, и от этого разговор закончился. Ольга поднялась, потёрла затёкшую ногу и пошла к двери. Надежда хотела подать ей кофту, но та уже надела свою куртку.

— Ключ пока не нужен, — сказала Ольга Алексею. — Дверь прикрой, только не запирай.

Он вышел первым. Надежда задержалась, посмотрела на простыню, затем повернулась ко мне.

— Ты тоже иди. Чего здесь стоять?

Я и сама не знала. Взяла сумку и прошла в коридор. На подоконнике по-прежнему стоял стакан воды. Надежда остановилась перед ним, взяла в руки, потом поставила обратно. Я видела это движение со спины и впервые за день не пыталась объяснить себе, о чём она думала.

Ольга ждала у наружной двери.

— После еды посмотришь со мной упаковку? По снимкам, ничего трогать не будем. Я в ваших ярлыках не понимаю.

— Посмотрю.

— А чужие бумаги?

— Только то, что видно на снимке. Остальное пусть смотрят, когда приедут.

Она открыла дверь. Мы вдвоём упёрлись в неё плечами, чтобы ветер не ударил створкой о стену, и вышли.

Глава 5. Упаковка

На экране мои пальцы казались чужими. Перчатка удерживала бирку, за ней лежало стекло с двумя трещинами. Ольга перебрала снимки с причала и остановилась перед следующим.

— Готова?

Я кивнула. Она открыла общий вид комнаты.

Снимок был темнее самой комнаты. У окна пропадали детали, зато стол и край упаковки были видны отчётливо. Я узнала стул с папкой. На экране он стоял почти посередине; в действительности я обошла его, едва заметив. Григорий лежал ниже, у самого края кадра.

Мы сидели в соседнем помещении. Виктор оставался у радиостанции. Ноутбук стоял на низком столике. Под шаткую ножку была подсунута дощечка. Ольга принесла сюда дополнительный стул. Дверь оставили открытой, чтобы слышать вызов.

— Вот ярлык, — сказала она.

На втором снимке бурая бумага занимала почти всё пространство. Ольга увеличила изображение. Буквы стали крупнее и чуть расплылись, но фамилию можно было разобрать. Григорий Воронов. Ниже — знакомое мне отделение, дальше адрес получателя на острове. Я несколько раз выдавала посылки с такой адресной строкой, хотя самого Григория

прежде не запомнила. Вчера запомнила.

Отправителем значилась Вера Курбатова. Я переписала имя, затем адрес. Из своей сумки вынула сопроводительные бумаги сегодняшнего рейса и положила рядом: две разные доставки, которые очень хотелось свести в одну только потому, что обе прошли через мои руки.

— Она сегодня с нами не приехала, — сказала я.

— Кто?

— Посылка. То, что на полу и на столе. В сегодняшнем обмене её нет. Я вчера выдала на материке.

Ольга взяла ручку, но не стала писать.

— Я это уже поняла.

— Надежда сказала: может, я датой ошиблась.

— Надежды сейчас здесь нет.

Я посмотрела на неё и убрала лишний лист обратно в сумку. Дата на обёртке относилась к отправке. Когда Григорий подошёл к моему окну, на ней нигде не значилось. Ольге я объяснила только это.

— Значит, сама бумага не говорит, когда он получил?

— Эта — нет. Нужна запись о вручении.

— А запись говорит, кто приехал?

— Говорит, кому выдали по документу. Лицо человека помню я.

Ольга кивнула, не отводя глаз от экрана.

На соседнем снимке была видна разрезанная перевязь. Я вспомнила, как Григорий поднимал короб с прилавка дву-

мя руками, а потом прижал к боку, будто тот неожиданно оказался легче. Вчера упаковка была целой. Он не просил вскрыть её при выдаче и не предъявлял жалоб. Я записала и это, пока память не начала подгонять вчерашнее под то, что мы сейчас рассматривали.

— Внутри бумаги? — спросила Ольга.

— Похоже.

— На этом кадре лучше видно.

Она открыла общий вид стола с другой стороны. Под краем упаковки лежали несколько листов. Один был сложен вчетверо; на сгибах пожелтел. Другой казался плотнее, с ровной вертикальной чертой и короткими строками. Я не могла разобрать написанное. Чуть дальше лежал маленький конверт, раскрытый по верхнему краю.

— Вот это, — сказала я, наклонившись, — сверху можно?

— Увеличить?

— Да.

Ольга подвинула изображение. У конверта был ровный белый край. На листке, торчавшем из него, читалось обращение к Григорию и несколько слов о присланных по его просьбе семейных бумагах. Нижние строки ушли под упаковку.

Я переписала то, что видела. Дальше поставила многоточие.

— Не станем дописывать? — спросила Ольга.

— Не станем.

Она придвинула ноутбук ко мне. Я заметила, как уста-

ла: это простое согласие доставило мне почти несоразмерное удовольствие. Никто не предлагал считать, что всё и так ясно.

— Сколько их могло быть? — спросила она.

— В коробе? Не знаю. Бумага тяжёлая, а я вес по руке не определю. Внутри мог быть и картон, и папки.

— Сейчас мало осталось.

— Мы не всё видим. И не знаем, с чем сравнивать.

Ольга опустила глаза на мой блокнот. Я поняла, что отвечаю всё теми же словами, за которые сама сердилась бы на неё, если бы ждала ясного ответа.

— Надо спросить отправителя, — добавила я. — Веру Курбатову. Что положила, как упаковала. Тогда можно будет говорить, мало или нет.

— Контакт есть?

На ярлыке был адрес. Телефона я не увидела. Попросила Ольгу показать другой угол. Тоже ничего. Я переписала адрес полностью и проверила ещё раз, подводя кончик ручки к буквам на экране. На фамилии рука остановилась: Курбатова. Мне хотелось, чтобы она оказалась знакомой, чтобы можно было вспомнить чей-нибудь домашний номер. Но фамилия ничего не говорила.

— Передадим берегу, — сказала Ольга.

Она вернула общий кадр. Я посмотрела на раскрытую упаковку и впервые по-настоящему представила Григория в этой комнате до нашего прихода: он разрезал бумагу, выни-

мал листы, читал то, за чем вчера приехал. Мы до сих пор говорили о нём как о человеке, которого то видели, то не видели. У него было дело, ради которого он проделал этот путь.

Я не знала, торопился ли он. Вспомнила только, что в отделении он дважды спросил, можно ли забрать сегодня, хотя короб уже стоял перед ним.

Следующим Ольга открыла снимок пола. Я сразу узнала свои первые следы. Тёмный носок ботинка попал в нижний угол; дальше шла полоска краски, тяжёлый прижим лежал на боку. Тень делала его крупнее, чем в действительности.

— Он там утром стоял? — спросила я, забыв, что Ольга при утренней уборке не присутствовала.

— Лида сказала, на столе.

— Да. Я записала.

Мы обе помолчали. На полу рядом с прижимом ничего не объясняло, как он туда попал.

Ольга передвинула изображение к руке Григория. Бумажный обрывок был виден лучше, чем мне запомнилось. Я, стоя возле тела, следила за пальцами, за краем ладони. Камера сняла лежавший снаружи лист почти целиком. Часть строк закрывали тень и изгиб бумаги, по другой части прошла краска.

— Здесь можно прочесть, — сказала Ольга.

Она увеличила кадр, подождала, пока перестанет дрожать рука, и поставила локоть на столик. Первое слово было

«Этот». Потом шёл тот самый «расчёт», который я увидела возле ладони.

Мы прочитали вслух, сменяя друг друга там, где одна не разбирала букву:

«Этот расчёт касается только денег, которые я дал Надежде на прошлогодний ремонт лодки. К накоплениям на переезд, переданным ей другими людьми, он отношения не имеет. По тем деньгам расчёта не было».

Я прочла последнее предложение ещё раз. Ни подписи, ни даты на этой части не было. Нижний край листа обрывался неровно. Из-под руки выступал уголок, но дальше текст на снимке не продолжался.

— Надежде, — повторила Ольга.

Я посмотрела на открытую дверь. В коридоре никого не было. Из соседней комнаты донёсся короткий вызов; Виктор ответил, назвал наш пост и замолчал.

— Это из посылки? — спросила Ольга.

— Не знаю.

Лист выглядел светлее тех, что лежали под упаковкой. Но бумага могла храниться в папке, а снимок менял цвет.

— Надо их разделить, — сказала я.

Ольга провела пальцем над экраном.

— Как?

— В записях. Посылка с семейными бумагами — отдельно. Этот лист у руки — отдельно. Мы не видели, откуда он взялся.

Она подала мне ручку. Я стала переписывать. Сначала пропустила слово «только», обнаружила ошибку при проверке и аккуратно вписала его сверху. От одного слова менялось, о каких деньгах речь. Переписала заново на чистой странице.

Ольга подождала, потом прочитала по моему блокноту, сверяя с экраном. Мы отметили места, где сомневались в буквах. Смысл оставался ясным: один расчёт отделяли от другого. Я не знала, кто дал деньги, кому принадлежали накопления и был ли этот лист вообще распиской. В нём не было подтверждения получения, только ограничение.

— Ты про переезд что-нибудь знаешь? — спросила я.

— Это до меня могло быть.

— Григорий недавно говорил?

— Мне — только что уедет сам. То жильё ищет, то передумал. Он любил рассказывать о своих планах.

Ольга откинулась на спинку стула. Ноутбук тихо гудел, из соседней комнаты доносились голоса. Мы сидели в двух шагах от других людей с чужой фразой, которую её автор, возможно, не предназначал ни одному из нас.

Я представила, как попрошу Надежду объяснить «накопления на переезд». Она вполне могла знать ответ и даже не быть к этому листу причастной. Её имя было в нём, но одного имени недостаточно. Не хотелось ещё раз спрашивать человека так, чтобы он услышал обвинение, которого я не могла обосновать.

— Отдадим текст вместе со снимком, — сказала я. — И спросим, что с самой бумагой делать.

Ольга кивнула. Я собиралась вернуть ей ручку, но увидела в верхнем углу увеличенного кадра край светлой полосы. Краска пересекала бумагу и уходила через разрыв. За краем её не было видно: продолжение листа отсутствовало.

Я нарисовала в блокноте маленькую черту. Ольга спросила, что это.

— Пятно на обрывке. Чтобы при передаче не забыть.

Она приблизила изображение ещё немного. Буквы распались на квадратики; лучше не стало. Ольга вернула прежний размер.

— Больше здесь не вытащишь.

— Хватит.

Мы сохранили фотографии в той же папке. Ольга не стала обрезать снимок и делать из него отдельную картинку. Я сверила запись, закрыла блокнот и только тогда заметила, как потемнело в комнате. До вечера оставалось время, но за окном сплошь стояла серая вода.

Виктор выслушал нашу просьбу, уступил Ольге место и направился к выходу. Я задержалась у двери. Он спросил, закончила ли я с посылкой.

— Имя отправителя узнали. Про содержимое будем спрашивать.

— Понятно.

— Лодку в прошлом году ремонтировали?

Виктор перестал застёгивать куртку.

— Ремонтировали.

— Дорого вышло?

Он посмотрел на меня, и я поняла, что мой вопрос звучит так же странно, как прежнее предложение пересчитать чужие чаепития.

— На бумаге у Григория про ремонт. Он деньги давал Надежде?

Виктор опустил руки.

— Давал. Тогда сразу заплатить нужно было. У Нади не хватало своих.

— Это был его вклад в общее?

— Занял он ей. Немного, по сравнению с тем, сколько всё стоило. Часть Надя сама достала.

— Вернула?

— Не знаю. Вы у неё спросите.

Я кивнула. Он помолчал и добавил:

— Григорий напомнить умел. Не о каждом хорошем деле потом столько говорят.

— Вы с ним ссорились из-за этого?

Виктор посмотрел в коридор, где на подоконнике стоял стакан воды.

— Я не с ним ремонт делал. Мотор забирать ездил. А кто кому сколько должен, лучше у самих спрашивать.

Он не сказал, что разговор закончен, но застегнул курт-

ку. Я посторонилась. На улице хлопнула дверь, шаги ушли в сторону общего дома.

Ольга вызвала берег и передала имя отправителя, адрес и то, что удалось прочесть в записке из конверта. Дежурный попросил повторить написание фамилии. Я продиктовала по буквам. Потом мы сообщили о верхней части листа, лежащей у руки, прочли доступный текст и сказали, что на снимке виден разрыв и полоса разлитой краски.

Нас не просили делать выводы. Попросили сохранить записи и снимки, не разбирать оставшиеся бумаги, не уносить обрывок с места. Я спросила, смогут ли связаться с Верой. Дежурный ответил, что передаст её данные тем, кто занимается выездом.

— Нам тоже ответ нужен, — сказала я.

Он помолчал. Я поняла, что прозвучало требовательно, словно я заказала справку.

— Я имею в виду, что видела посылку закрытой, — объяснила я. — Если здесь чего-то не хватает, я сама этого не установлю.

— Понимаю. Адрес записал. Уточнят.

Ольга положила трубку. Я убрала блокнот в сумку и собралась выходить, но снаружи послышались шаги. Надежда принесла две тарелки и две чистые ложки, завёрнутые в салфетку.

— Опять без еды сидите.

Она посмотрела на ноутбук за открытой дверью. Экран

уже погас; на крышке остался отпечаток ладони Ольги.

— Получилось сохранить?

— Получилось, — сказала Ольга.

Надежда кивнула, поставила тарелки на широкий подоконник в коридоре и попросила не возвращать их до утра.

— Лида одна моет и моет, будто от этого толк есть.

Я вынула из салфетки ложку. Она была тёплая, только из воды. Я не знала, что сказать Надежде, поэтому спросила, можно ли отнести тарелки на кухню самим.

— Конечно. Только вы сначала поешьте.

Она задержалась у порога комнаты. Под простынёй угадывалось плечо Григория. Надежда сжала руки на животе, расправила свитер и пошла обратно. Ни Ольга, ни я не стали её останавливать.

Мне было неловко от того, что мы только что передали её имя в связи с чужими деньгами, а она принесла нам еду. Я подумала, что должна спросить о ремонте прямо сейчас. Но вопросы, которые я собиралась задать, были уже не только о лодке, и я не знала, как отделить одно от другого.

Перед уходом мы с Ольгой всё-таки разобрали сегодняшнюю почту. Делали это в соседней комнате, на свободной половине низкого столика. На другой оставался ноутбук. Я подвинула к себе мешок, проверила крепление и вынула привезённое по порядку.

Ольга смотрела так внимательно, будто ждала ещё одну посылку с неясным прошлым. Но внутри были обычные ве-

щи: конверты, газеты, служебный пакет, который ждали заранее. Мы сверили полученное с моими бумагами. Отдельно я отложила письма для личной передачи.

— Оставь у Нади, — сказала Ольга. — Она раздаст.

— Эти отдам сама. Пока все рядом.

— Не доверяешь?

Я посмотрела на неё. Она сказала это без нажима, просто спросила.

— Хочу закончить хоть то, что могу.

Ольга кивнула и помогла сложить пустой мешок. Мы отнесли полученное в шкаф, который она открыла своим ключом. Я записала, что оставили, а письма взяла с собой. Сразу выяснилось, что обычную работу я ещё помню: не пришлось задумываться, куда деть пустую упаковку и что проверить повторно.

В коридоре нашла Алексея. Он вытирал пол у наружной двери, каждый раз занося тряпкой новую воду из тамбура. Я подождала, пока он выпрямится, и протянула конверт.

— Это вам.

Он удивился, словно до сегодняшнего дня письма приходили кому угодно, кроме него. Взял, посмотрел на оборот и сунул во внутренний карман, даже не распечатывая.

— Давно идёт?

— По штемпелю увидите.

Он снова достал конверт, поднёс ближе к лицу, прочитал штемпель и кивнул. Я не спрашивала, от кого.

— Спасибо, — сказал Алексей.

Слово вышло тихим и без насмешки. Личное письмо можно узнать по тому, как человек меняет голос, ещё не открыв конверт. Он убрал письмо глубже, застегнул карман и снова взял тряпку. Я подержала наружную дверь, пока он выжал тряпку за порогом. Ветер брызнул водой нам на рукава, и мы оба отступили.

— Там не стойте, — сказал он. — Сейчас ещё натечёт.

Я посторонилась и подождала, пока он закончит. Письмо лежало у него под курткой, и мне не нужно было ни искать запись о вручении, ни просить кого-то подтвердить, что я отдала письмо именно ему. Я просто увидела человека перед собой и сделала привычное дело.

Ольга вышла следом с обеими тарелками. Я придержала для неё дверь общего дома и осталась в тамбуре.

Там мне встретилась Лидия. Она держала таз с водой на вытянутых руках. Я взяла с другой стороны. До кухни дошли молча.

— Там, у Григория, бумаги про переезд, — сказала я, когда мы поставили таз.

Лидия выпрямилась, держась за поясницу.

— Тебе кто сказал?

— На листе написано. У него в комнате. Накопления на переезд.

Она посмотрела мимо меня, туда, где в коридоре висели куртки.

— Много чего писали.

— Вы знаете, о чём речь?

Лидия вынула из воды полотенце, отжала его над тазом. Я ждала. Она расправила ткань и повесила на верёвку возле печки.

— Павел больше знал.

— Ваш муж?

— Да.

— Он здесь?

Я спросила и сразу поняла по её лицу, что ошиблась.

— Уже нет.

— Простите.

Лидия кивнула, принимая извинение, и села на табурет. Я не стала спрашивать, когда и почему. Она расстегнула верхнюю пуговицу фартука, освободила шею от лямки.

— Ты сейчас думаешь, будто одна не можешь доказать, что видела, — сказала она.

Я села напротив. Тарелки, которые принесла Надежда, уже стояли на столе.

— Откуда вы знаете?

— Сидишь с этой сумкой. Открываешь, закрываешь. Всё ищешь что-нибудь.

Я убрала руку с замка.

Лидия посмотрела на мои тарелки, спросила, почему опять не ем, и поднялась раньше, чем я успела ответить. Начала перекладывать содержимое в маленькую кастрюлю,

чтобы подогреть.

— Про Павла потом, — сказала она. — Сегодня не проси.

— Хорошо.

Лидия поставила кастрюлю на плиту и повернулась ко мне.

— Если читать будешь, читай всё. С начала до конца. Ничего не пропускай.

Глава 6. Общий лист

Надежда вытерла клеёнку и поставила на стол широкую папку. В углу ещё оставалось мокрое кольцо от кружки, и она протёрла его второй раз. Я убрала тарелку.

— Не торопись, — сказала она. — Я подожду.

Но есть, когда человек ждёт с закрытой папкой перед собой, оказалось невозможно. Я съела ещё ложку, поставила тарелку на подоконник и вынула очки. Лидия увела Алексея разбирать привезённые продукты. На кухне остались мы вдвоём.

— Та самая опись?

Надежда кивнула.

— Ты просила.

В папке было несколько отделений. Она перелистала заполненные листы, вынула два и положила передо мной. Остальное закрыла. Я не тянула к себе папку: мне показали определённую бумагу, а не разрешили разбирать все хозяйственные дела.

Опись была обыкновенная, от руки, на листах в клетку. В столбцах стояли названия вещей, цифры, пометки. Часть строк перечёркнута, рядом вписано новое. В конце — шесть подписей. Я нашла фамилию Воронова и посмотрела на росчерк, потом заставила себя вернуться к началу.

В шапке стояла вчерашняя дата. Ниже было написано, что

проверка велась с одиннадцати до четырнадцати часов. Перечислены участники, среди них Григорий. Последняя строка сообщала, что остаток проверен совместно.

Я прочитала дважды. Надежда смотрела на мои руки.

— Тут никаких секретов. Что было, то и написано.

— А это всё время проверяли?

— Не всё на кухне сидели, конечно. Ходили, считали. До катера приготовиться надо было.

— Григорий с вами?

— С нами. Я тебе уже говорила.

Я сняла очки и положила дужкой на край блокнота. Выдавала я около полудня. Время помнила по тому, что коллега собиралась идти обедать, а я попросила её задержаться: людей набралось много. Точности до минуты в этом не было. Но в середину трёх часов, отданных общей проверке, мой разговор с Григорием попадал уверенно.

— Почему с одиннадцати? — спросила я.

Надежда посмотрела на строку.

— Начали тогда.

— На часы смотрели?

— Тамара, если тебе нужно, чтобы я сказала «ровно», я не скажу. Около того.

— Мне не нужно ровно. Хочу понять, как записывали.

Она подтянула папку ближе.

— Как всегда записывают. Составили, проверили, подписали. Мы же не на суде были.

Я почувствовала, что вопросы начинают походить на придирки к человеку, который добросовестно сделал работу. Цифры сами по себе выглядели разумно. Проверка могла идти три часа, могла начаться чуть раньше. Шесть подписей смотрелись убедительнее моего рассказа о ручке и заусенце.

Я снова надела очки.

Подпись Григория была похожа на ту, которую я видела вчера. Я не стала говорить, что такая же. На почтовом бланке он писал стоя у высокого прилавка, здесь мог сидеть. Сравнить было не с чем.

— Он сам расписывался?

Надежда выпрямилась.

— Конечно.

— При вас?

— При мне.

— А остальные?

Она посмотрела мне в лицо.

— Тамара, ты серьёзно думаешь, что я за них всех подписала?

— Нет. Я этого не спрашивала.

— Попроси каждого. Пусть подтвердят. Мне не трудно.

Она поднялась, но я остановила её:

— Не надо сейчас звать. Ольга у связи, Виктор тоже занят.

Надежда села обратно, уже не так близко к столу. Я поняла, что обидела её. Исправить это было можно только согласием, которого у меня не было.

— Можно переписать верхнюю часть? — спросила я.

— Переписывай всё.

Я записала дату, интервал, формулировку о совместной проверке и список фамилий. Надежда смотрела в окно. На стекле были разводы от недавнего мытья, теперь по ним снова ползла вода.

— Ты на берег про это сказала?

— Ещё нет. Я только увидела.

— Вот и скажи. А то там будет одна посылка.

Я посмотрела на неё поверх очков.

— Скажу, что есть опись.

— И подпись Гриши.

— И подпись Григория.

Надежда кивнула. Я заметила, как она устала: под глазами потемнело, губы пересохли. Подумала, что сама, вероятно, кажусь ей человеком, который способен часами задавать один и тот же вопрос и ни разу не поможет убрать со стола.

Я отнесла тарелки к раковине. Надежда не стала отнимать их, только подала сухое полотенце. Несколько минут мы работали рядом молча. Она мыла, я вытирала. На третьей тарелке у меня соскользнул край, вода попала на рукав. Надежда придержала её снизу.

— Не спеши.

Голос у неё был совсем другой, без прежней обиды. Я вытерла тарелку, поставила в стопку и взяла следующую.

Лидия вернулась с пустой коробкой. Увидела листы на столе и остановилась.

— Показываешь?

— Тамара просила, — сказала Надежда.

Лидия села, не сняв фартука. Я пододвинула ей лист так, чтобы она могла посмотреть, не поворачиваясь. Она нашла свою подпись сразу, ткнула в неё ногтем.

— Моя.

— Я не сомневалась.

— Ты спроси. Вдруг ещё в чём сомневаешься.

Лидия говорила сердито, но подвинула лист обратно бережно. На сгибе была потёртость. Бумага уже побывала в руках у нескольких человек, и каждый держал её по-своему.

— Вы при проверке всё это видели? — спросила я, показав столбец с названиями.

— Своё видела. По кухне.

— А остальное?

— А что мне в чужое лезть? Виктор своё считал, Оля своё. Гриша ходил, помогал. Не одну картошку проверяли.

Она потерла поясницу и поднялась, словно задержалась здесь дольше, чем собиралась.

— Когда вы расписывались, Григорий рядом был?

Лидия остановилась.

— Тамара, я его вчера видела. Вон за тем столом сидел.

Она показала на место у стены, где теперь стоял пустой таз. Надежда молча сложила полотенце.

— Когда расписывались? — уточнила я.

— Я не на подпись смотрела. Мне сказали: проверь, всё правильно? Проверила. Подписала. Он здесь был.

Я записала. Не стала добавлять от себя «весь день». Лидия посмотрела на строчку, кивнула и ушла к плите. Бумага осталась передо мной.

Теперь за ней стояли две разные уверенности: сама подпись и то, с чем человек её связывал. Я не умела разделить их так, чтобы никто не услышал упрёка. Когда раздаёшь людям бумаги, на каждом шаге приходится просить «проверьте». Чаще всего человек смотрит на сумму, название, фамилию. Остальное принимает потому, что доверяет тому, кто протянул лист.

— Я эту строку за них не читала, — сказала Надежда, словно отвечая на мою мысль. — Взрослые люди.

— Я ничего не говорю о том, кто читал.

— А я говорю. Здесь все знают, что подписывали.

Она отвела взгляд к окну. Я опустила ручку. Записывать каждую реплику подряд означало бы сделать из нашей кухни место, где нельзя произнести ничего лишнего. Я уже и так мешала ей быть кухней.

— Где опись хранится? — спросила я.

— У меня в папке. Тебе надо — покажу ещё.

— Не отдавайте пока никому. Пусть люди с берега посмотрят.

Надежда посмотрела на меня внимательнее.

— Я и не отдавала.

— И не исправляйте ничего.

— А ты думаешь, я стану?

Я почувствовала, как от этого вопроса разгораются уши. Сказать, что это обыкновенная просьба, было правдой, но звучало бы удобным отступлением.

— Я прошу сохранить её такой, какой вы мне показали. Это важно для моего вчерашнего рассказа тоже.

Надежда убрала листы в папку. Не хлопнула, не спрятала от меня. Завязала тесёмки и положила папку на сухой край стола.

— Сохраню.

Она вышла в коридор. Лидия тихо спросила, не надо ли мне ещё кипятку. Я покачала головой. Полная чашка так и стояла возле блокнота.

Ольга сменилась с Виктором ближе к вечеру. Я попросила её зайти на кухню. Лидия протянула ей тарелку, та, в отличие от меня, сразу принялась есть. Я дождалась, пока она доест хотя бы половину.

Надежда принесла папку снова. Ольга отодвинула тарелку, вытерла руки салфеткой и взяла листы. Посмотрела верхнюю строку, затем подписи.

— Моя, — сказала она.

— Я хотела спросить, что ты проверяла.

Ольга указала две строки. Число предметов, замечание о

состоянии. В одной графе была дописка её рукой. Она обвела приписку пальцем, не касаясь бумаги.

— Тут сначала не так посчитали. Потом поправили.

— Кто?

— Я. Своё сама проверяла.

— Значит, заполнено правильно?

— По этим строкам — да.

Она вернула лист. Я посмотрела на Надежду. Та стояла за спиной Ольги и молчала.

— А Григорий был при тебе?

Ольга положила салфетку на стол.

— Мы уже разговаривали об этом.

— Разговаривали.

— Тамара, если у тебя есть запись в отделении, её поднимут. Есть моя вчерашняя смена, есть эта бумага. Давай не будем весь вечер перекладывать уверенность с одного человека на другого.

Я замолчала. Она снова придвинула тарелку, но есть не стала.

Надежда села у торца стола.

— Я потому и показала, чтобы не спорить словами. Вот документ. Ты его теперь видела.

Документ действительно был. Его можно было сохранить, переснять, показать кому-то ещё. Мой разговор с Григорием существовал в записи о выдаче и в моей голове, причём сама запись сейчас находилась на другом берегу. Я смотрела на

шесть подписей и пыталась представить, как они появились: кто держал лист, где лежала ручка, в какой момент Григорий нагнулся над столом.

Вчера в отделении я сама повернула к нему бланк. Он перехватил ручку, спросил, где расписаться. Я показала строку. Это помнилось ясно, без усилия. Но ясная память ещё не помогала усадить его одновременно за другой стол.

— Можно Ольга снимет? — спросила я.

Надежда кивнула.

— Снимайте. И людям передадите.

Ольга вынула камеру. Разложила листы на сухом месте, выровняла рядом. Надежда отошла, чтобы не закрывать свет. Я придержала угол, как утром держала бирку возле треснувшего стекла. Потом убрала руку, когда Ольга попросила.

Сделали общий кадр, отдельно верхнюю часть и подписи. Никто не пытался ничего прятать. От этого мне становилось всё труднее выговорить очередное «но».

Надежда убрала оригинал, а Ольга вновь села за тарелку. Я осталась смотреть на пустое место перед собой. Лидия разлила чай.

— Мне кажется, ты пока путаешь два листа, — сказала Ольга. — Здесь перечислены вещи. В описи про вчерашнюю поездку ни слова.

Надежда повернулась к ней.

— Как ни слова? Время стоит. Кто был, написано.

— Я про поездку. У Тамары выдача.

— Значит, он в двух местах был?

Ольга посмотрела на меня, потом на свою чашку.

— Вот это и надо выяснить.

Мы замолчали. За стеной хлопнула дверь, вошёл Алексей. Услышал последние слова, взглянул на папку и сел возле Лидии.

— Опять про вчера?

— Твоя подпись здесь? — спросила Надежда.

Алексей посмотрел на закрытую папку.

— Здесь. Я же ставил.

— Открой, посмотри, — сказала я.

Он удивился, но Надежда уже развязывала тесёмки. Алексей быстро нашёл нижнюю часть, подтвердил росчерк. Я спросила, прочёл ли он перед тем, как подписать.

— Прочёл.

— Всё?

— А что там читать? Сколько было, сколько осталось.

— Время тоже?

Он провёл пальцем к верху страницы.

— Стоит же.

— Сейчас стоит, — сказала я. — Я о том, когда расписывались.

Алексей посмотрел на меня исподлобья.

— И тогда стояло. Я не помню каждую клетку. Правильно было.

— Хорошо.

— Не похоже, что хорошо.

Лидия положила перед ним тарелку. Он взял ложку и начал есть, низко нагнувшись. Надежда не убирала опись. Я увидела, как она проверила, не задел ли Алексей край мокрым рукавом, и отодвинула лист к себе.

— Вы оба на нервах, — сказала она. — Отдохнули бы.

Я не хотела уходить с видом оскорблённого человека. Собрала блокнот, закрыла ручку, поблагодарила за бумагу. Надежда кивнула. Ольга вышла вместе со мной.

В коридоре она остановилась.

— Ты спрашиваешь, как будто мы заранее решили одно и то же говорить.

— Я так не думаю.

— А слышится.

Я опустила глаза. На коврике стояли наши ботинки, сохли носками к стене. Каждому ещё предстояло куда-нибудь идти, что-то принести, кого-то сменить. Я не собиралась отнимать у них ещё один вечер, но уже отняла.

— Мне бы не мешать всем своим приездом, — сказала я.

— Твой приезд тут ни при чём.

Ольга резко дёрнула молнию. Та заела; она вернула бегунок вниз и начала заново.

— Григорий умер. А ты приехала. Это две разные вещи. Не склеивай.

Она застегнулась и ушла к служебному строению. Я оста-

лась в коридоре, пока не замёрзли ноги.

До следующего сеанса оставалось время. Надежда позвала меня помочь в кладовой: нужно было убрать с прохода две коробки, чтобы ночью никто не споткнулся. Она не просила поднимать тяжёлое. Дала мне лёгкие коробки, сама перенесла банки и один свёрток, который Лидия подписала карандашом.

Кладовая была тесной. Надежда знала, где встать, чтобы дверь не упёрлась в локоть, и показывала мне ладонью место для коробки. На полках лежали вещи, которых обычно не замечаешь, пока они не кончатся: мыло, спички, нитки, пачка простых карандашей. Лёгкую коробку я убрала под нижнюю полку.

— Здесь она отсыреет, — сказала Надежда. — Лучше боком наверху.

Я переставила. Подняв руки, задела плечом полку. С неё свалилась старая рукавица. Надежда поймала её, вытряхнула и положила на видное место.

— Лидина. Всё ищет.

Она улыбнулась. На минуту мы перестали быть двумя женщинами, спорившими о мёртвом человеке. Мне было что подать, ей — куда поставить. Работа получалась без спора.

— Ты давно всем этим занимаешься? — спросила я.

— Достаточно, чтобы надоело.

— А кому передать?

Она посмотрела на меня и развела руками, в одной держала свёрток с мылом.

— В том-то и дело. Все умеют своё. Я чужую работу не сделаю, а эту вроде всякий может. Поэтому каждый думает, что кто-нибудь другой уже сделал.

Из кухни позвала Лидия. Надежда отозвалась, не выходя, сказала, на какой полке лежит нужное. Потом спросила меня, не видела ли я чистую верёвку. Я видела: она лежала в коробке, которую я только что убрала наверх.

Достали коробку снова. Я протянула верёвку, Надежда перевязала пачку. От движения у неё разошёлся старый шов на манжете. Она посмотрела на нитку, закатала рукав и продолжила.

— Я зашью, — сказала я.

— Умеешь?

— Манжету — сумею.

Она кивнула и попросила вечером напомнить. Я не стала обещать больше. Мы закончили, закрыли кладовую, отнесли Лидии рукавицу. Та обрадовалась находке и тут же положила её возле печки, где легко было забыть опять.

Надежда поправила рукав и поблагодарила меня. Я ответила, что ничего не сделала. Она только махнула рукой:

— Вот это у нас все любят говорить. Пошли, позовут тебя сейчас.

К вечеру берег подтвердил, что моё сообщение дошло до

начальницы, и попросил Тамару Нечаеву при следующем сеансе быть у радиостанции. Я пришла раньше. Виктор поднялся со стула и предложил сесть. Я сказала, что постою.

Через дежурного мне передали просьбу описать обстоятельства выдачи и нынешние расхождения. Не устно, кусками, а на бумаге, чтобы потом не собирать разные пересказы. Я записала формулировку. Попросила уточнить, сохранили ли вчерашний бланк. Дежурный сказал, что просьбу передали, но ответа на неё ещё нет.

Я подумала, как начальница ходит вдоль ящиков, ищет нужное отправление, зовёт коллегу. Ей, вероятно, уже рассказали, что получатель никуда с острова не уезжал. Всё это к ней вернётся в виде необычного происшествия, с которым теперь связано моё имя.

— Объяснение? — спросил Виктор, когда я отложила трубку.

— Наверное.

— Что объяснять?

— Кому выдала. Как удостоверилась. Почему помню.

Он кивнул, без сочувственного вздоха. Я вдруг захотела, чтобы он сказал хоть что-нибудь ещё.

— Я видела общую опись, — сказала я.

— Показала Надя?

— Да. С одиннадцати до двух.

Виктор посмотрел на мой блокнот, но не приблизился.

— Своё я проверял. Подписывал.

— А Григорий?

— Что Григорий?

— Подпись его?

— Похожа. Я за руку его не держал.

Я записала ответ. Он вздохнул и посмотрел в окно.

— Извините, — сказал он. — Я не про вас.

— Я понимаю.

— Нет. Я просто не знаю, что ещё сказать. Вчера все были живы. Ругались из-за мешка с ветошью, который два раза посчитали. Я бы лучше про это сейчас слушал.

Мы помолчали. В динамике негромко шипело. Виктор поправил рукав, закрыв запястье, и вернулся на свой стул.

— Пишите, как было. Другого вам никто не расскажет.

Я ушла с этими словами в свою комнату. На тумбочке всё ещё стояла кружка с моими ключами. Хлеб лежал на подоконнике. Я съела остаток, не снимая куртки, потом повесила её на спинку стула и села к столу.

Написала: «По обстоятельствам выдачи отправления на имя Григория Воронова». Дальше ручка остановилась.

Надежда заглянула через открытую дверь.

— Начальнице?

Я кивнула.

— Ты ей объясни, что здесь документы есть. Может, паспорт был похожий. Сейчас столько всего бывает.

Я посмотрела на пустую строку под заголовком. Надежда подождала, не уходя.

— Уверенность тоже нужно проверять, Тамара.
Я закрыла ручку колпачком и положила поперёк листа.
— Сейчас проверяю.

Глава 7. Не моя ошибка

Я написала три варианта начала и все три оставила на столе. На первом слишком рано появлялось слово «подтверждаю». На втором я сразу начинала спорить с описью, которой при выдаче посылки не видела и видеть не могла. Третий начинался с моей должности. После него хотелось перечислить стаж, прежние поощрения и всё прочее, что иногда пишут, когда нужно объяснить одну неверную цифру.

Я отложила этот лист подальше.

В комнате пахло подсыхающими ботинками. За окном уже было темно. Стекло отражало лампу, мой свитер и кривой край наволочки на кровати. Я встала и задёрнула занавеску. Ничего снаружи всё равно не видела, а собственное лицо мешало.

Потом начала с простого: отправление поступило, адресат явился, предъявил паспорт. Я проверила документ, передала посылку и получила подпись. Дату написала полностью. Для времени выбрала «около полудня» и тут же пояснила, почему помню именно так. Минут у меня не было.

Дальше следовало написать, что я узнала Григория сегодня. Я вывела фамилию, остановилась, снова посмотрела на неё. Пятьдесят восемь лет. Вчера я не думала о его возрасте, даже когда смотрела паспорт. Сегодня узнала от Надежды по радио.

За стеной скрипнула кровать. Кто-то прошёл по коридору, не задержавшись у двери. Я прислушивалась, хотя никто не мешал мне писать.

Одной строчки про то, как я его узнала, не хватило. Я описала разговор при выдаче, очки, свою ручку. Про заусенец тоже написала. По одному заусенцу я бы человека не узнала, но этот помнила. Потом отдельно написала: как человек приехал на материк и вернулся на остров, мне неизвестно.

Эта фраза неожиданно успокоила. Мне не требовалось придумывать ему дорогу. Он сам её проделал.

Я прочла страницу и нашла пропуск. Не сказала, что получила от него посылку обратно? Нет, не получала. Он забрал её и ушёл. Я видела, как он дошёл до двери отделения, а дальше обслуживала следующего человека. Так и дописала. У двери он поправил воротник, повернулся боком, пропуская женщину. Я не могла бы описать ту женщину, хотя её тоже видела.

На этой мысли я задержалась. Память о Григории была яркой, а о следующем человеке почти ничего не осталось. Почему я решила, что яркость даёт мне право быть уверенной?

Встала, прошлась от стола до кровати. Два шага, разворот, снова два. Взяла со стула куртку, проверила карман, в котором лежала ручка. Она была на месте. Чёрная, с трещиной возле колпачка, моя обычная дешёвая ручка. Григорий положил её к себе, я попросила вернуть. Мы посмотрели друг

на друга и рассмеялись. Это было общение с конкретным человеком, а не промелькнувшее лицо в очереди.

Несколько лет назад я отдала женщине чужой конверт. Одинаковые фамилии, соседние дома, я знала обеих и в тот день почему-то посмотрела только на первую строчку. Женщина дошла до улицы, раскрыла сумку и вернулась. В конверте ничего особенного не было, обыкновенное письмо. Она не вскрыла, а я извинилась и взяла обратно. Потом весь остаток смены дважды перечитывала адреса, уже злясь на собственную осторожность.

Утром всё прошло. Я снова работала в обычном темпе. Об ошибке помнила прежде всего по чужому лицу: женщина не скандалила, только держала конверт двумя пальцами и ждала, пока я посмотрю на номер дома. Коллега за соседним столом так и не поняла, что случилось.

Если бы меня тогда попросили написать, что конверт я передала правильно, я бы не смогла. Я до сих пор видела номер дома и руку женщины, которая протянула мне конверт обратно. Сейчас мне предлагали описать такую же ошибку, но я не могла сказать, где именно ошиблась. Паспорт я смотрела. С человеком разговаривала. Сегодня лицо узнала до того, как кто-то назвал имя.

Я подошла к тумбочке, вынула ключи из кружки и снова положила. Делать было нечего. Мысль о чужом паспорте требовала проверки, однако превращать её в своё воспоминание я не имела права.

На чистом листе написала два вопроса для отделения. Кому принадлежит подпись в записи, можно ли её сохранить вместе с прочими документами? Кто из коллег действительно видел посетителя, а кто только знает со слов, что я выдавала? Последний вопрос переписала ещё раз, смягчив начало. Я не хотела, чтобы коллегу заставили выбрать удобную для меня уверенность. Если она была в соседней комнате, пусть так и ответит.

После этого я вернулась к своему объяснению. Не стала вписывать рассуждение о памяти. Написала, что подтверждаю личное наблюдение и прошу проверить сохранившуюся запись о выдаче. Если найдутся данные, которые ему противоречат, их нужно сопоставить с моим рассказом. Я не знала, достаточно ли такой формулировки для начальницы, но лжи в ней не было.

Надежда постучала в дверь и внесла свитер, сложенный манжетой наружу.

— Совсем разошлось, — сказала она. — Если обещание ещё в силе.

— В силе.

Она положила возле лампы нитки, иголку и маленькие ножницы. Нитки были чуть светлее шерсти, но другого мотка не нашлось. Я убрала листы под сумку.

— Сядь, — предложила я.

Надежда присела на край кровати. Без рабочего свитера, в старой блузке, она выглядела тоньше. Пальцы теребили

верхнюю пуговицу. Я продела нитку не с первого раза; пришлось подвинуть лампу.

— Устала? — спросила она.

— Глаза.

— У меня тоже осенью поплыли. Не люблю очки.

— Они у меня теперь вечно под рукой, пока не понадобятся.

Надежда улыбнулась. Я расправила манжету и принялась сводить разошедшийся шов. Шерсть была крепкой, нитка старой строчки истлела. Проще было бы пройти заново дальше разрыва, я так и сделала.

— Тебя кто-нибудь ждёт? — спросила Надежда.

— На работе ждут.

Она посмотрела на листы под сумкой, но дальше расспрашивать не стала.

— Я тебе утром воду тёплую принесу. Из умывальника вода еле идёт, когда ведро пустеет.

— Я сама налью, только покажи, где.

— Покажу.

Мы помолчали. Я шила, она смотрела на мои руки. За окном что-то ударилось о стену и затихло. Надежда прислушалась, узнала звук и осталась сидеть.

— Капитан больше не пробовал? — спросила я.

— Оля не говорила. Станет можно — попробует.

Она потянулась к манжете, проверила пальцем, не стягиваю ли я шов, и убрала руку.

— Ты думаешь, мы на тебя обиделись?

Я не сразу ответила.

— Ты обиделась.

Надежда отвела глаза.

— Мне неприятно, что ты заранее ждёшь подвоха. Я же сама тебе показала. Ничего не прячу.

— Я и не говорю, что прячешь.

— Тогда почему каждый ответ как будто недостаточный?

Игла вошла в старый шов и застряла. Я подцепила её ногтями, протянула осторожнее.

— Потому что у меня остаётся вчерашний человек. Его бумага с твоей не совмещается.

— А если паспорт чужой был?

— Проверить надо и это. Но я узнала лицо.

Надежда кивнула, будто приняла ответ, потом посмотрела на руку, которой я держала манжету.

— Сейчас тебе трудно сказать иначе. Я понимаю. Столько лет работать, привыкнуть, что всё верно. А потом одна посылка…

Она не закончила. Я сделала следующий стежок медленнее, чтобы не уколоться.

— Я ошибалась на работе, — сказала я. — И письма не туда клала. И фамилии перечитывала после того, как человек уже ушёл.

— Вот. С кем не бывает?

— Бывает. Но я не помню ошибки в этом случае. Я пом-

ню, кому выдала.

Надежда поднялась с кровати, прошлась к двери и вернулась. Я продолжала шить. Мне хотелось отдать свитер уже сейчас, не доводя шов до конца, но это было бы по-детски.

— Ты можешь написать, что не исключаешь ошибку, — сказала она. — Разве это неправда?

Я подняла голову. Она стояла возле лампы, и тень закрывала мне руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.